

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 7

**ПРОЩАЙТЕ, ГОРЫ.
НЕ ЗАБЫТЬ НАМ ЭТУ БОЛЬ**

*Воспоминания о войне в Афганистане и
ликвидации последствий аварии
на Чернобыльской АЭС*

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципальный округ Финляндский округ

Бывают события, даже весьма значительные для своего времени, которые стираются из памяти людей и становятся достоянием архивных хранилищ. Но есть события, значение которых не тускнеет от неумолимого бега времени. Напротив, с течением времени наиболее четко вырисовывается их величие. Память о них неподвластна времени — бережно хранимая и передаваемая из поколения в поколение.

В книге «Никто не забыт, ничто не забыто» записаны воспоминания участников боевых действий в Афганистане и ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции, проживающих и работающих на территории Финляндского округа.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Война в Афганистане и ядерная «война» в Чернобыле оставили неизгладимый след в истории нашей страны.

На чужой земле в Демократической Республике Афганистан погибли более 13 тыс. советских солдат. О том, сколько жизней уничтожила и искалечила авария на Чернобыльской атомной электростанции, до сих пор точно сказать тоже никто не может.

Почему в этой книге мы ставим оба эти события в один ряд? Потому что хочется выразить благодарность людям, защищавшим нашу страну в непростое для нее время.

Потому что хочется, чтобы память о тех событиях, о войнах-интернационалистах и ликвидаторах последствий аварии на Чернобыльской АЭС, продолжала жить, и новые поколения знали о том, что мужество, честь и верность воинскому и гражданскому долгу это не просто высокие слова из книг — за этими словами стоят настоящие Герои своего времени. Кроме того, оба эти события объединяют масштабы: авария на электростанции в Чернобыле, произошедшая в 1986 году, — самая крупная техногенная и гуманитарная катастрофа 20-го века; десятилетняя война в Афганистане (1979–1989 гг.) — самая длительная в истории прошлого столетия.

Воспоминания, вошедшие в седьмой том Книги памяти «Никто не забыт, ничто не забыто», — это страницы истории нашей страны, человеческие судьбы, моменты откровения участников и очевидцев тех событий, большинство из которых впервые делятся своими рассказами публично.

Я хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто принял участие в написании седьмого тома Книги памяти, и пожелать всем без исключения мира и счастья, добра и здоровья.

*Глава муниципального образования
Финляндский округ
Всеволод Беликов*

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОВЕТ И МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ
ВЫРАЖАЮТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ
СЕДЬМОЙ ЧАСТИ КНИГИ ПАМЯТИ**

**Михайловской военной артиллерийской академии:
Начальнику академии генерал-майору *Баканеву Сергею Анатольевичу*;
Доценту кафедры оперативно-тактической подготовки ракетных войск
и артиллерии полковнику *Зорину Сергею Викторовичу*.**

**Санкт-Петербургскому региональному отделению
Общероссийской общественной организации инвалидов
«СОЮЗ “Чернобыль” России»**

**Председателю организации,
члену Центрального Правления «СОЮЗ “Чернобыль” России»
*Найде Василию Григорьевичу***

*Председатель
регионального
отделения
ДОСААФ России
г. Санкт Петербурга
генерал-лейтенант
**Константинов
Владимир
Александрович***

Более 25 лет прошло со дня вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана, но однозначного мнения о той войне по-прежнему нет. Надо было вводить наши войска в Афганистан или нет — дискуссии ведутся до сих пор. Многие пытаются нашей армии поставить в укор: не победила. Но нам никто и не ставил задачу победить. В первую очередь советская армия должна была оказать поддержку афганскому правительству в урегулировании внутривнутриполитической ситуации. В основном эта помощь заключалась в борьбе с вооруженными отрядами оппозиции, а также в строительстве дорог, жилья, школ, больниц. Кроме того, присутствие значительного воинского контингента в Демократической Республике Афганистан должно было предотвратить агрессию извне. И эти задачи наша армия выполнила полностью.

Тогда я был командиром учебной батареи и командиром учебного дивизиона в 80-й дивизии в Казахстане, где сержанты, солдаты готовились к ведению боевых действий и откуда многие потом отправлялись в Афганистан.

Сам я несколько раз писал рапорт с просьбой отправить меня служить в ДРА, но высшее руководство, видимо, решило, что я буду более полезен в учебной батарее, и рапорт так и не подписал.

Многие из моих подчиненных выполняли свой интернациональный долг в Афганистане и делали это достойно. Вернулись, к сожалению, не все: один лейтенант и три сержанта погибли.

Большинство военнослужащих проявили в Афганистане высочайшее мужество, благородство. Более 200 тысяч человек были награждены орденами и медалями. 72 человека стали Героями Советского Союза. Более 13 тысяч человек погибли, 7 тысяч стали инвалидами. О них — особая память. Забывать, не помнить этих героев, события Афганской войны — моральное преступление.

Памятник Воинам-интернационалистам, погибшим в Республике Афганистан

Скульптор Н. А. Гордиевский

Архитектор Н. А. Тарасова

**ПРОЩАЙТЕ,
ГОРЫ**

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ 1979—1989 гг.

ХРОНИКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

27 апреля 1978 года в Афганистане началась Апрельская революция, в результате чего к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Попытки руководства страны провести реформы, которые позволили бы преодолеть отставание Афганистана, натолкнулись на сопротивление исламской оппозиции. В Афганистане началась гражданская война.

Март 1979 года

Первая просьба афганского руководства о прямом советском военном вмешательстве прозвучала во время мятежа в городе Герат. Комиссия ЦК КПСС по Афганистану, созданная ещё в 1978 году, доложила об очевидности негативных последствий прямого советского вмешательства, и просьба была отклонена. Однако мятеж заставил провести усиление советских войск у советско-афганской границы, и по приказу министра обороны Д.Ф. Устинова началась подготовка к возможному десантированию в Афганистан посадочным способом 105-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Дальнейшее развитие ситуации в Афганистане: вооруженные выступления исламской оппозиции, мятежи в армии, события сентября 1979 года, когда лидер НДПА Н. Тараки был арестован и затем убит по приказу отстранившего его от власти Х. Амина, вызвали серьёзное беспокойство у советского руководства.

Начало

Решение о вводе войск было принято на заседании Политбюро 12 декабря 1979 года. К вечеру 23 декабря 1979 года было доложено о готовности войск к вводу в Афганистан. 24 декабря Д.Ф. Устинов подписал директиву 312/12/001. Границу с Афганистаном было приказано перейти 27 декабря 1979 года в 15:00 по московскому времени (17:00 — по кабульскому). Но ещё утром 25 декабря

по наведенному понтонному мосту через пограничную реку Амударья переправился 4-й батальон 56-й гвардейской десантно-штурмовой бригады, которому поставили задачу захватить высокогорный перевал Саланг на дороге Термез — Кабул, чтобы обеспечить беспрепятственный проход советских войск.

Штурм дворца Амина

Вечером 27 декабря советские спецподразделения взяли штурмом дворец Амина, во время штурма Амин был убит. Государственные учреждения в Кабуле захватили советские десантники. В ночь с 27 на 28 декабря Б. Кармаль прибыл в Кабул из Баграма, и радио Кабула передало обращение этого нового правителя к афганскому народу, в котором был провозглашен «второй этап революции».

1980 год

7 января — Пянджский сводный боевой отряд пограничных войск КГБ СССР (204 человека при шести БТР) переправился вертолетами и на плавсредствах через реку Пяндж и расположился гарнизоном в афганском кишлаке Нусай, прикрыв советский районный центр Калай-Хумб и приграничную дорогу Душанбе — Хоррог. Затем он десантировался в район афганского речного порта Шерхан и предотвратил угрозу его захвата мятежниками.

10—11 января — попытка антиправительственного мятежа артиллерийских полков 20-й афганской дивизии в Кабуле. В ходе боя было убито около 100 мятежников; советские войска потеряли двоих убитыми и ещё двое были ранены.

23 февраля — трагедия в тоннеле на перевале Саланг. При прохождении тоннеля при полном отсутствии комендантской службы из-за ДТП в середине тоннеля образовалась пробка. В итоге задохнулись 16 советских военнослужащих.

Февраль—март — первая крупная операция по подавлению вооружённого мятежа в горнопехотном полку в Асмаре.

28—29 февраля — подразделения 317-го гвардейского парашютно-десантного полка 103-й гвардейской воздушно-десантной

дивизии в районе Асмара вступили в тяжелые кровопролитные бои. Погибло 33 человека, ранено 40, один военнослужащий пропал без вести.

Апрель — Конгресс США санкционирует помощь афганской оппозиции в размере 15 млн долларов.

11 мая — гибель 1-й мотострелковой роты 66 омсбр (Джелалабадской) у кишлака Хара провинции Кунар.

19 июня — решение Политбюро ЦК КПСС о выводе из Афганистана некоторых танковых, ракетных и зенитно-ракетных частей.

3 августа — бой у кишлака Шаеста. В Машхадском ущелье районе Кишим близ г. Файзабад в засаду попал 783-й отдельный разведывательный батальон 201-й МСД, погибло 48 военнослужащих, 49 было ранено.

12 августа — прибытие в страну спецподразделений КГБ СССР «Карпаты».

1981 год

Сентябрь — бои в горном массиве Луркох в провинции Фарах; гибель генерал-майора Хахалова.

29 октября — ввод второго «мусульманского батальона» (177-го оСпН) под командованием майора Керимбаева.

Декабрь — разгром базового пункта оппозиции в районе Дарзаб (провинция Джаузджан).

1982 год

5 апреля в ходе военной операции на западе Афганистана советские войска по ошибке вторглись на территорию Ирана. Иранской боевой авиацией уничтожены два советских вертолёта.

Май—июнь — проведена пятая Панджшерская операция, в ходе которой впервые была осуществлена массовая высадка десанта в Афганистане: только в течение первых трёх дней было десантировано свыше 4000 человек личного состава ВДВ. Всего же в этой конфронтации принимало участие около 12 000 военнослужащих различных родов войск. Операция проходила одновременно на всех

120 км в глубину ущелья. В результате этой операции Панджшер был взят.

3 ноября — трагедия на перевале Саланг. В результате возникшей вне тоннеля пробки в тоннеле погибло более 176 человек.

15 ноября — встреча Ю. Андропова и Зия уль-Хака в Москве. Генеральный секретарь провел частную беседу с пакистанским президентом, в ходе которой проинформировал его о «новой гибкой политике советской стороны и понимании необходимости быстрее разрешения кризиса». На встрече также обсуждался вопрос о целесообразности пребывания советских войск в Афганистане. В обмен на вывод войск от Пакистана требовалось отказаться от помощи мятежникам.

1983 год

2 января — в Мазари-Шарифе моджахеды похитили группу советских «гражданских специалистов» численностью 16 человек.

2 февраля — заложники, похищенные в Мазари-Шарифе и находящиеся в кишлаке Вахшак на севере Афганистана, были освобождены, но при этом шестеро из них погибли.

28 марта — встреча делегации ООН с Ю. Андроповым. Андропов благодарит ООН за «понимание проблемы» и уверяет посредников в том, что готов предпринять «определённые шаги», но сомневается, что Пакистан и США поддержат предложение ООН, касающееся их невмешательства в конфликт.

Апрель — операция по разгрому отрядов оппозиции в ущелье Ниджраб, провинция Каписа. Советские подразделения потеряли 14 человек убитыми и 63 ранеными.

19 мая — советский посол в Пакистане В. Смирнов официально подтвердил стремление СССР и Афганистана «назначить сроки вывода контингента советских войск».

Июль — попытка моджахедов заблокировать город Хост, которая не увенчалась успехом.

Август — разработана 8-месячная программа вывода войск из страны, однако после болезни Андропова вопрос о конфликте был

снят с повестки дня заседаний Политбюро. Теперь речь шла только о «диалоге с ООН».

Зима — боевые действия активизировались в районе Сароби и Джелалабадской долины (в сводках чаще всего упоминается провинция Лагман). Вооружённые отряды оппозиции впервые остаются на территории Афганистана на весь зимний период.

1984 год

16 января моджахеды сбили из ПЗРК «Стрела-2М» самолёт Су-25. Это первый случай успешного применения ПЗРК в Афганистане.

30 апреля — в ущелье Хазара в ходе крупномасштабной войсковой операции в Панджшерском ущелье попал в засаду и понёс тяжелейшие потери 1-й батальон 682-го мотострелкового полка.

27 октября — над Кабулом из ПЗРК «Стрела» моджахеды сбивают транспортный самолёт Ил-76.

1985 год

26 апреля — восстание советских и афганских военнопленных в тюрьме Бадабера, расположенном в Пакистане.

25 мая — Кунарская операция. Бой у кишлака Коньяк в ущелье Печдара, провинция Кунар, 4-й роты 149 Гвардейского мотострелкового полка.

Июнь — армейская операция в Панджшере.

Лето — новый курс Политбюро ЦК КПСС на политическое решение «афганской проблемы».

16–17 октября — Шутульская трагедия (20 погибших, несколько десятков раненых).

22 ноября — при выполнении задачи в засаду попала застава мотоманевренной группы Панфиловского пограничного отряда Восточного пограничного округа КГБ СССР. В бою у кишлака Аффридж в Зардевском ущелье провинции Бадахшан погибли 19 пограничников. Это были самые большие потери пограничников в одном бою в Афганской войне 1979–1989 гг.

1986 год

Февраль — на XXVII съезде КПСС М. Горбачёв делает заявление о начале выработки плана поэтапного вывода войск.

4—20 апреля — операция по разгрому базы Джавара: крупное поражение моджахедов. Неудачные попытки отрядов Исмаил-хана прорвать «зону безопасности» вокруг Герата.

16 июня — войсковая операция «Маневр» в провинции Тахар. Продолжительный бой на горе Яфсадж 783-го ОРБ 201-й МСД в ущелье Джарав, в котором 18 разведчиков погибли, 22 — ранены. Это была вторая трагедия Кундузского разведбата.

28 июля М. Горбачёв публично заявил о скором выводе из Афганистана шести полков 40-й армии (около 7000 чел.). Позднее срок вывода будет перенесён.

Август — Масуд разбил базу правительственных войск в Фархаре, провинция Тахар.

18—26 августа — войсковая операция «Западня» под командованием генерала армии В.И. Варенникова. Штурм укрепрайона «Кокари-Шаршари» в провинции Герат.

Осень — разведгруппа майора Белова захватывает первую партию ПЗРК «Стингер» в количестве трёх штук в районе Кандагара.

15—31 октября из Шинданда выведены танковый, мотострелковый, зенитный полки, из Кундуза мотострелковый и зенитный, из Кабула — зенитный.

13 ноября — на заседании Политбюро ЦК КПСС М. Горбачёв отметил: «В Афганистане мы воюем уже шесть лет. Если не менять подходов, то будем воевать еще 20—30 лет». Начальник Генштаба маршал Ахромеев заявил: «Нет ни одной военной задачи, которая ставилась бы, но не решалась, а результата нет. Мы контролируем Кабул и провинциальные центры, но на захваченной территории не можем установить власть. Мы проиграли борьбу за афганский народ». На этом же заседании поставлена задача вывести все войска из Афганистана в течение двух лет.

Декабрь — чрезвычайный пленум ЦК НДПА провозглашает курс на политику национального примирения и выступает за скорейшее прекращение братоубийственной войны.

1987 год

2 января — в Кабул направлена оперативная группа Министерства обороны СССР во главе с первым заместителем начальника Генштаба ВС СССР генералом армии В.И. Варенниковым.

Февраль — операция «Удар» в провинции Кундуз.

Февраль—март — операция «Шквал» в провинции Кандагар.

Весна — советские войска начинают применять для прикрытия восточного и юго-восточного участков государственной границы систему «Барьер».

8 марта — обстрел моджахедами города Пяндж Таджикской ССР.

Март — операция «Гроза» в провинции Газни.

9 апреля — нападение моджахедов на советскую погранзаставу. При отражении нападения гибнут 2 советских военнослужащих, уничтожено 20 моджахедов.

12 апреля — разгром базы мятежников Милова в провинции Нангархар.

Май — операция «Залп» в провинциях Логар, Пактия, Кабул; операция «Юг-87» в провинции Кандагар.

23 ноября — начало операции «Магистраль» по деблокированию города Хост.

1988 год

7—8 января — бой на высоте 3234 м.

14 апреля — при посредничестве ООН в Швейцарии министрами иностранных дел Афганистана и Пакистана подписаны Женевские соглашения о политическом урегулировании положения вокруг ситуации в ДРА. Гарантами договоренностей стали СССР и США. Советский Союз обязался вывести свой контингент в 9-месячный срок, начиная с 15 мая; США и Пакистан, со своей стороны, должны были прекратить поддерживать моджахедов.

24 июня — отряды оппозиции захватили центр провинции Вардак, город Майданшехр.

10 августа моджахеды взяли Кундуз.

Сентябрь 1988 года — советские войска близ Майданшехра провели операцию по уничтожению базового района Хуркабуль.

1989 год

23—26 января — операция «Тайфун», провинция Кундуз. Последняя войсковая операция СА в Афганистане.

4 февраля — последнее подразделение Советской армии покинуло Кабул.

15 февраля из Афганистана полностью выведены советские войска. Выводом войск 40-й армии руководил последний командующий Ограниченным воинским контингентом генерал-лейтенант Б.В. Громов, который, согласно официальной версии, последним перешёл пограничную реку Амударья (г. Термез).

Источник: <http://www.myshared.ru/>

Сергей Васильевич БУГ

★ *Заместитель начальника Михайловской военной артиллерийской академии, академик Академии военных наук, доктор педагогических наук, профессор. Возглавляет образовательную и научную деятельность в ракетных войсках и артиллерии сухопутных войск. Обладая учёной степенью доктора педагогических наук, умело претворяет в жизнь свои знания и боевой опыт. Академия является на протяжении двух лет лучшей образовательной организацией сухопутных войск.*

В Демократической Республике Афганистан я находился с октября 1984 по ноябрь 1986 г. Проходил службу в должностях командира огневого взвода и командира огневого взвода — старшего офицера батареи 1060 артиллерийского полка 5-й гвардейской мотострелковой Зимовниковской Краснознамённой ордена Кутузова II степени дивизии имени 60-летия СССР.

До Афганистана, окончив с отличием артиллерийское училище, был направлен для прохождения военной службы в Группу Советских войск в Германии. Служба отличалась высокой интенсивностью боевой учёбы, что положительно сказывалось на уровне профессиональной подготовленности молодых офицеров. Я многому

там научился, о чем свидетельствуют результаты участия в состязаниях, проведённых среди артиллерийских подразделений Группы: первое место среди артиллерийских дивизионов в должности заместителя командира батареи — старшего офицера батареи (1-й гаубичный самоходный артиллерийский дивизион 286-й гаубичной артиллерийской бригады) и первое место в состязаниях среди артиллерийских расчётов самоходных артиллерийских орудий.

Желание применить знания и опыт в настоящей боевой обстановке подтолкнуло меня написать рапорт о направлении для дальнейшего прохождения службы в составе Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане. Желание было удовлетворено.

Первые впечатления были самыми яркими: центр Европы сменён на горно-пустынную местность, вместо ноябрьских холодов — по-афгански тёплая осень... Но главным «открытием» стали, конечно, люди. Понятие «боевая семья» раскрылось в полной мере: всё поровну — и трудности, и радости, а иногда и скорбь.

Знания и опыт, полученные на прежнем месте службы, пригодились мне в полной мере. Все задачи я старался решать с творческим подходом. Пригодились мне и рассказы о Великой Отечественной войне отца-фронтовика. Василий Никифорович Буг, выпускник Ленинградского танкотехнического училища, прошёл всю войну: от парада на Красной площади в 1941 году до победных залпов в Манчжурии. Ему были известны многие тонкости военного дела, основанные на смекалке, которыми он с удовольствием со мной делился.

Творческое отношение к делу дало свои плоды: были усовершенствованы самоходные гаубицы в целях повышения их броневой защиты; командирские машины управления для удобства работы расчёта в ходе длительных операций. Я применял новые подходы к подготовке младших специалистов, нетрадиционные способы борьбы с противостоящим противником и многое другое.

Самоходные гаубицы, оснащенные 152-мм орудиями, являлись одним из самых мощных средств поражения противника, стоявших на вооружении дивизии. Их использование в операциях по уничтожению бандформирований всегда имело большой успех. С такими орудиями мотострелки чувствовали себя в бою гораздо увереннее,

да и результаты действий всегда были выше и лучше. Орудия применялись иногда даже там, где это не предусматривалось их тактико-техническими характеристиками. Из-за лёгкой брони и высокой огневой мощи самоходки использовали для штурма ущелий, занятых противником. Однако сразу стало понятно, что с такой тонкой бронёй потери неизбежны. Необходимо было предпринять меры, позволяющие выполнять задачи без потерь. И решение было найдено.

Во время Великой Отечественной войны танкисты и самоходчики «усиливали броню» траками (*звено гусеничной ленты самоходного орудия*) и снарядами ящиками, которые заполнялись песком.

Проезжая мимо «кладбища» подбитой техники, я обратил внимание на то, что некоторые броневые листы корпусов боевых машин пехоты не повреждены. Основываясь на предположении об их надёжности и высокой противопулевой и противоосколочной стойкости, я решил сделать на самоходных орудиях дополнительный слой брони. Образованное двумя слоями брони пространство можно было заполнять камнями и песком, что усиливало защищённость расчёта и орудия.

Получив разрешение старших командиров, я приступил к проведению доработки. Усовершенствование вызвало интерес в артиллерийском полку и ремонтно-восстановительном батальоне дивизии. Результатами работы заинтересовались в том числе и представители предприятий-производителей техники, которые вначале скептически отнеслись к моим предложениям.

Через две недели два невиданных доселе «монстра» покинули ремонтные боксы и были направлены на операцию по уничтожению бандформирований. Конечно, усовершенствованная броня уменьшила маневренные возможности орудий, не на много повысила противоснарядную защиту, однако вселила в орудийный расчёт уверенность, что их защищённость стала значительно выше. Всё это привело к тому, что орудия стали появляться в самых непредсказуемых для противника местах и вершить своим мощным огнём победу.

Ещё один пример нестандартного подхода к решению задач. В горах часто возникали ситуации, когда враг находился значи-

*Части Советской Армии в Афганистане.
Фото Mikhail Evstafiev.*

тельно выше наших подразделений. Чтобы его уничтожить, необходимо было оружие, способное вести огонь под большим углом прицеливания. Таких средств в армии не много, но одни из них — самоходные орудия. Однако большой угол возвышения, применяемый для стрельбы с закрытой огневой позиции, невозможно было использовать при стрельбе прямой наводкой. Конструктивно это в орудиях не предусматривалось. В то же время при прицеливании через канал ствола цель может быть поражена. В операции, проводимой в горах Хаки Сафед (провинция Фарах), штурмовая группа дивизии вышла на рубеж укреплений противника, расположенных в пещерах, и вынуждена была, заняв оборону, приступить к уничтожению опорного пункта. На вершинах гор в качестве прикрытия душманы разместили снайперов. Их обстрел мешал действиям наших войск. Появились потери среди личного состава. Заместитель командира дивизии по боевым действиям поставил задачу сбить с вершин снайперов. Боевые машины пехоты эту задачу выполнить не могли. Их пушки не обладали достаточной для уничтожения

снайперов огневой мощью. Задача была переадресована артиллеристам. Но прицельные приспособления орудий не позволяли прицелиться из-за конструктивных особенностей артиллерийской системы. Снова пригодился опыт отца: прицеливание можно осуществить через ствол — по нижней образующей канала ствола. Точка прицеливания была выбрана над позицией снайперов — по скале, нависавшей над ними. После первого же выстрела орудия — попадание. После последовавшего камнепада по нашим позициям никто больше не стрелял.

Человек может выдержать многое, чего не скажешь о боевой технике. В одной из операций на самоходке возникли проблемы с заводкой двигателя. Молодой механик-водитель не смог завести двигатель. Сели аккумуляторы, закончился воздух в баллонах. Смеркалось. Надо было срочно принимать меры для эвакуации расчёта и орудия. Колонна ушла вперёд. После коротких команд наводчик, заряжающий и механик-водитель приступили к заводке двигателя машины. Наводчик развернул ствол назад, заряжающий дослал снаряд и гильзу в канал ствола, механик-водитель включил вторую передачу. После отрывистого «Огонь!» машина рванулась вперёд и двигатель завёлся. Вскоре самоходка уже шла в колонне батареи.

Подобного рода событий за более чем двухлетний период службы в Афганистане было много. Всегда находились решения, позволяющие сохранить жизни солдат и офицеров. Боевой опыт, основанный на стремлении решить задачи нетривиальными методами, позволил мне в дальнейшем реализоваться в научном плане.

Сергей Викторович ЗОРИН

Родился 20 июня 1963 года в г. Лейпциг (ГДР) в семье военнослужащего. В 1980 году поступил в Коломенское ВАКУ. По окончании училища в 1984 году был направлен в распоряжение командующего Забайкальским ВО и проходил службу в должности командира взвода управления самоходно-артиллерийской батареи артиллерийского дивизиона 152-мм самоходных гаубиц 2182-го артиллерийского полка 12-й мотострелковой дивизии 39-й армии, дислоцированной в Монголии.

В июне 1985 года прибыл для прохождения службы в Афганистан.

★ *Выписка из наградного листа: «...старший лейтенант Зорин С.В. выполняет интернациональный долг с июня 1985 года. За это время зарекомендовал себя исполнительным, грамотным, трудолюбивым офицером и требовательным командиром. Участвовал в 10 боевых операциях по ликвидации бандформирований мятежников в провинциях Кандагар и Фарах, где не раз проявил смелость, отвагу и мужество. Так, 2 ноября 1986 года на боевой операции в провинции Кандагар в ходе ведения боевых действий огневая позиция батареи была обстреляна мятежниками из реак-*

тивных установок Алазань. Старший лейтенант Зорин С.В. выявил местонахождение огневых точек противника, умело вычислил по ним установки и подал команду на открытие огня батареи по разведанным целям. В результате своевременного и точного огня было уничтожено 2 пусковые установки и 11 мятежников. Боевая задача была выполнена без потерь...»

По окончании службы в Афганистане в октябре 1987 года назначен на должность командира гаубичной самоходно-артиллерийской батареи 2С1, 181-го танкового полка 24-й мотострелковой дивизии Прикарпатского военного округа г. Яворов Львовской области.

В 1990 году после первого места на конкурсе командиров батарей Прикарпатского военного округа поступил в Военную артиллерийскую академию им. М. Калинина.

В 1993 году по окончании академии был направлен на должность командира реактивного дивизиона «Ураган»,

1278-го реактивного артиллерийского полка 51-й армии, о. Сахалин Дальневосточного военного округа.

В июне 1995 года направлен для дальнейшего прохождения службы на должность заместителя командира тяжело-гаубичной бригады Дальневосточного военного округа, г. Уссурийск. В декабре 1997 года назначен на должность начальника штаба той же артиллерийской бригады.

В 1998 году поступил в очную адъюнктуру Михайловской артиллерийской академии.

В мае 2001 года досрочно окончил адъюнктуру и проходил службу в Михайловской военной артиллерийской академии в должностях: преподавателя, старшего преподавателя. В настоящее время — доцент кафедры оперативно-тактической подготовки ракетных войск и артиллерии.

По результатам конкурсов в 2004/2005, 2009/2010 учебных годах признан «Лучшим преподавателем года» и поощрен денежной премией Министра обороны. В 2007 году — победитель конкурса преподавателей военно-учебных заведений Министерства обороны РФ на получение гранта «Благотворительного фонда В. Потанина».

Награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР III степени» и 17 медалями.

В 1984 году я окончил Коломенское ВАКУ и был направлен в распоряжение командующего Забайкальским ВО, служил в должности командира взвода управления самоходно-артиллерийской батареи артиллерийского дивизиона 152-мм самоходных гаубиц 2182-го артиллерийского полка 12-й мотострелковой дивизии 39-й армии, дислоцированной в Монголии. На тот момент уже пять лет шла война в Афганистане. Мне хотелось испытать себя в сложных условиях на незнакомой местности, и я написал рапорт: «...прошу по собственному желанию отправить меня для дальнейшего прохождения службы в Афганистан».

К тому времени я уже был два с половиной года в партии, и таких, как я, в нашей 1-й батарее было всего три человека. Как

только замполит полка узнал о моем рапорте, разругался: «Вы что мне тут будете показатели портить, у меня же сразу партийная ячейка развалится! Меня же наверху убьют!» Командир части меня тоже не поддержал: «Ты что, хочешь орден получить? Получишь его посмертно» — и подписывать рапорт не стал. К тому времени первый раз на дивизию пришла разрядка, и нужно было отправить двух артиллеристов. Я был уверен, что мой рапорт будет подписан, потому что в ДРА отправляли женатых, если нет детей; женатых, если есть дети, но есть квартира в Советском Союзе, либо холостяков. Я подходил как никто другой, потому что не был женат, но рапорт мне не подписали. Сдаваться я не собирался и, когда командир части ушел в отпуск, я написал второй рапорт, который и был подписан.

Провожали меня торжественно, вынесли знамя — как-никак первый из полка уезжаю в ДРА. Я попрощался со знаменем. Обходной лист мне подписали сразу, и в этот же день рассчитали по всем службам. Я уехал в Читу, через пару дней — в Ташкент, где пробыли на пересылке неделю-полторы — ждали самолет. А потом полетели сначала в Кабул, а оттуда в Кандагар.

Я хорошо знал, куда еду, и считал — кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Но говорить о своих намерениях родным и близким не собирался и оставлял их в неведении около года. Тем более что скрыть это было нетрудно — адрес на конверте по сути дела не поменялся: г. Москва, только номера войсковой частилевой почты разные. Мой секрет раскрыл знакомый отца, который приехал в Афганистан в командировку. Увидев меня, он был в шоке: «Отец-то знает, что ты здесь?» — «Нет». Естественно о нашей неожиданной встрече он рассказал отцу. Но все равно рано или поздно все бы открылось, потому что подходил к концу год моей службы в Афганистане, и я собирался в отпуск, к тому же в отпуске планировал еще и жениться.

Первые впечатления от Афганистана незабываемы. Вышли из самолета в Кабуле — жарко. В Кандагаре — очень жарко. Температура на солнце до 70 градусов. Работали летом в специальных кожаных перчатках, чтобы не получить ожог от гаечных ключей и от брони.

Обеденный перерыв у нас был с 12.00 до 17.00, потому что в этот момент невозможно находиться под палящим солнцем. Кондиционеров тогда еще не было. Чтобы прилечь поспать, надо было намочить в умывальнике простыню и, не выжимая ее, накрыться. Но буквально через 10 минут она высыхала. И надо было опять идти мочить простыню. Многие солдаты падали в обмороки, получали солнечные удары. Потом привыкали. Главное было соблюдать водной баланс: пить много жидкости. Пока организм не адаптировался, приходилось «афганку» стирать чуть ли не через день. Первое время из-за жары было сильное потоотделение. Организм боролся с жарой, и «афганка» на спине покрывалась соленой коркой буквально за 2–3 дня.

Быт был «великолепный»: жили и в палатках, и в землянках. А на пунктах дислокации в модулях — в сборных щитовых казармах. Туалет на улице, умывальник — на улице. Полевая кухня кормила хорошо, о домашней еде, честно говоря, скучать не приходилось. Да и солдаты армейскую смекалку проявляли: из обыкновенной тушенки делали и чебуреки, и пельмени, и вареники.

Когда стояли на заставе, продукты получали на 10 дней. И старались на двое суток мясо взять «живым», то есть свежемороженым. Хранили его в земле: выкапывали ямы метра 1,5–2 глу-

биной и в них зарывали ящики с мясом, посыпанным солью, — холодильник своего рода, градусов на 20 тепла. Это все-таки не пекло в 60—70 градусов. На следующий день опять откапывали, на порцию отрезали и закапывали снова.

Овощи были консервированные, в банках: картофель, морковь, лук. Никто не голодал, поставки были хорошие. День рождения даже могли отмечать — «пекли» тортики, так как галеты и печенье выдавались каждому, а сгущенки было тоже немерено. Мы ее варили, смазывали слои печенья, и так 3—4 раза. Вставляли армейские парафиновые свечи — и день рождения готов!

У меня в батарее было в среднем 70—90 солдат-срочников разных национальностей: русские, узбеки, дагестанцы, украинцы, латыши, эстонцы, белорусы. Прежде чем попасть в ДРА, ребята проходили подготовку в учебной части: если на сержанта, то полгода — и на полтора года ехали в Афганистан. Рядовой состав учился три месяца. Но там тоже были свои законы. Например, кто-то попал в Афганистан через год службы, а кто-то — через три месяца «учебки». К тому моменту, когда сержант через год попадал в Афганистан, рядовой, уже прослуживший год в Афганистане, считался внештатным статусом выше.

На службе характер у солдат раскрывался в полной мере. Были и такие, кого однозначно нельзя было брать на какую-то операцию. Когда перед операцией слышишь: «Я боюсь, я единственный ребенок у мамы, а она одна. Я чувствую, что меня убьют, мне сон приснился» — то понимаешь, что такого «бойца», конечно, лучше никуда не брать — только обузой будет.

Но бывало и по-другому. В другом призыве, когда полбатареи моих солдат увольнялось, и на военном аэродроме их уже ждал самолет, а молодого пополнения еще не было, неожиданно пришло сообщение о выходе на боевые действия в район г. Герат. Ребята уже собрали вещи и рассчитались, можно сказать, часы считали до посадки, и тут к ним обратился командир полка полковник В.А. Сердитов: «Приказать не могу, но есть ситуация: надо две батареи отправлять на операцию почти на две недели. Если желающие поехать на операцию есть, то “снимаю шапку”, говорю “спасибо”. Если нет, то вот машины, пожалуйста — свое отслужили».

*15.10.1986 Советские солдаты возвращаются на Родину из Афганистана. Александр Гращенков/РИА Новости
Фото: Александр Гращенков.*

Ни один не улетел! Никто не сказал, что он должен быть дома. Каждый понимал, что они опытные солдаты, не раз ходившие на боевые задания, и пользу принесут больше в своих штатных расчетах, чем собранные батареи из различных подразделений полка. Это здесь, в Союзе, говорили о выполнении интернационального долга, а там нам никто про интернациональный долг не говорил. Для нас единственной была задача — защищать южные рубежи своей Родины. На операции мы прибыли дней 25. И вернулись все.

Вообще мне везло. У меня в батарее не было за всю мою службу ни одного убитого, только шесть раненых.

★ **Выписка из наградного листа:** «...принимал участие в 14 боевых операциях в провинциях Кандагар, Фарах и Герат, а также 17 раз участвовал в сопровождении колонн. В ходе проведения операции «Гранит» в провинции Герат старший лейтенант Зорин С.В.,

будучи корректировщиком от 2 мсб 101 мсп, вывел из окружения 6 солдат, при этом лично уничтожил четырех бандитов, захватил миномет и без потерь вышел к своим войскам...»

Операция «Гранит» — первая операция по выводу войск из Афганистана. По политической договоренности, чтобы уменьшить военный контингент, находящийся в ДРА, часть войск надо было вывести. Но «духи» твердили во всех СМИ, что ни один советский солдат живым не выйдет, обещали устраивать засады и расстреливать наши колонны.

Первый вывод войск сопровождался активным информированием: в Афганистан прилетела масса корреспондентов из разных стран, которые на основных маршрутах передвижения колонн под охраной снимали весь этот процесс. Нашей задачей было не допустить провокаций в местах возможного нахождения бандформирований.

В операции «Гранит», проводимой в Герате, я был корректировщиком в мотострелковом батальоне. Задачей батальона было не допустить провокаций со стороны душманов на одном из участков маршрута, проходившего через город. Вместе с афганскими правительственными войсками мы оттесняли от дороги банду. Без боестолкновений не обошлось, и в итоге я с шестью солдатами попал в окружение. У меня была карта, и я знал, что, если пойдем к нашим по кратчайшему пути, то обязательно встретимся с бандитами, их там очень много. Я принял решение не рисковать и пойти в обратную сторону и выйти через «зеленку» к нашей заставе, которая стояла на возвышенности, предполагая, что здесь будет меньше душманов. В итоге я сделал все правильно. Мы шли несколько дней. В светлое время суток идти было опасно, поэтому шли только ночью, причем по арыкам, поросшим камышом. Продвигались медленно, незаметно. Когда проезжали машины и гужевые повозки, приходилось нырять и дышать через камыши. Но когда мы уже вышли к 7-й заставе и оставалась пара километров, нарвались на минометный расчет душманов. У нас было два варианта: либо его обходить и давать большой крюк, либо пройти через этот минометный расчет. Было принято решение их атаковать, тем

более что перевес был на нашей стороне: нас — шестеро, их — четверо. Два бойца были мои, артиллеристы, а остальные из пехоты. Я обрисовал картину наших действий и сделал акцент: «Главное, чтоб вы стреляли!». (Я часто сталкивался с ситуацией, когда солдат психологически не мог нажать на курок, не мог стрелять в человека.) Мы договорились начинать по моему сигналу: сначала бросаем гранаты, потом стреляем. Я всех распределил по точкам, говорю: «Я начинаю, вы меня поддерживаете». Каждый меня заверил, что будет стрелять. В итоге стрелял я и мой солдат-разведчик, чеченец. Один, правда, гранату бросил. В итоге мы их всех уничтожили и добыли еще и миномет.

Хоть я и не крещенный был в то время, мысли об ангеле-хранителе посещали меня не раз. Как-то в Кандагаре, возвращаясь на МТЛБ с совещания на заставу, мы попали в засаду. Отстреливаться пришлось мне, потому что нас было двое: механик-водитель и я. Машина получила два удара из гранатомета, механик-водитель был ранен — прострелены оба колена. Но он молодец: несмотря на ранение и большую кровопотерю, рычаги не бросил. Я вколол ему «промедол» и вызвал вертушку. А на утро меня к себе позвал старшина и говорит: «Пойдемте, покажу планетарий». Открывает заднюю дверь МТЛБ, погода была солнечной, а внутри — темнота, усеянная «звездами». Вот тебе и планетарий — вся машина просто изрешечена, дырка на дырке. А потом пошли наверх. «Смотрите, в одном люке 5 дырок, в другом — 3. А вы где сидели?» — спрашивает. «Между люками» — говорю. Так что ангел-хранитель там все-таки был...

Никогда не забуду, как пошли на операцию с батальоном — человек 250. Нашей задачей было «погонять» банду, по первоначальным данным состоящую из 50 человек. В итоге банда оказалась значительно больше. И скрываться пришлось уже нам. В горах скитались 11 дней. Нас потеряли все, в том числе и наши. Аккумуляторы на средствах связи сели. Сообщить о нашем местонахождении возможности не было никакой. Нас искали с «вертушками». А командир батальона повел нас в сторону Пакистана, и правильно сделал. Именно это и спасло нас от встречи с бандитами, которые думали, что мы пойдем к себе на базу, и поджидали нас в подготовленной

засаде. Продуктов было на четыре дня. Выживали, как могли. Питались горным чесноком и сырым съели даже ежа. Мои солдаты поймали его ночью, и в течение 15 минут вчетвером мы с беднягой разделались так, что от него ничего не осталось. Воду нам заменял конденсат, скапливающийся в углублениях камней. Мы брали соломинку и по капельке собирали росу. Когда нас все-таки нашли, я весил 52 кг (после 78 кг). Лечиться от дистрофии нас отправили в санаторий на Иссык-Куль самолетом. Первая порция — маленький кусочек хлеба с маслицем. А есть хочется! Постепенно порцию увеличивали, и через 5 дней мы начали уже за медсестрами приударять, так что через 10 дней мы летели уже обратно.

Единственной потерей в этой операции у нас был батальонный повар. Он умер от голода. Был честным парнем, раздавал продукты. В основном это был шоколад. На операции в горы тушенку мы не брали, брали воду и горький шоколад — он очень калорийный и питательный. Один кусочек заменял две банки тушенки. Берешь боеприпасы, патроны, гранаты, перевязочные пакеты, вода, все остальное уже второстепенно, поэтому и шоколад. Шоколад такой, что он не только не плавился от жары, его и кирпичом невозможно было разбить. Мы раскалывали его штык-ножом и прикладом. Противный, горький. До сих пор не ем шоколад.

Отслужив два года в Афганистане, я с беспокойным сердцем ехал домой, в Советский Союз. Можно сказать, возвращение стало для меня очередным испытанием, привыкать к мирной жизни получалось не сразу. Я возвращался уже в «перестройку». В Союзе творилось черт-те что, и нам было страшно туда ехать, если честно. Когда я приехал в дивизию, то через некоторое время написал рапорт на увольнение, потому что я, боевой офицер, в Афганистане занимался своим делом, а тут началось: «Почему не покрашено это? Почему елочки не пересажены?» и т. д. Командир части посоветовал мне съездить отдохнуть в санаторий в Немирове, а потом окончательно определиться. В итоге увольняться я передумал.

Александр Борисович ЗУБАЧЕВ

Полковник в отставке, выпускник командного факультета Военной артиллерийской академии им. Калинина 1989 года. Родился 11 апреля 1955 года в г. Одинцово Московской обл. в семье военнослужащего.

После окончания 8 классов средней школы в 1970 году поступил в Калининское суворовское военное училище. В 1972 году после его окончания стал курсантом Коломенского высшего артиллерийского командного училища, которое с отличием окончил в 1976 году. Для дальнейшего прохождения службы был назначен командиром взвода 860-го отдельного мотострелкового Псковского Краснознаменного полка, который дислоцировался в городе Ош Киргизской ССР, в предгорье Памира.

860-й полк являлся полком прикрытия государственной границы с Китаем. Как известно, ухудшение отношений с Китаем в 60-х гг. привело к тому, что руководство страны стало больше уделять внимания усилению обороны на границе. Полк интенсивно занимался боевой подготовкой и входил в число лучших полков Среднеазиатского военного округа.

10 января 1980 года в 8 часов утра начался ввод полка на территорию Афганистана. Основные силы полка перешли границу, часть сил, в основном полковая артиллерия и тыловые службы, остались в Ишкашимае.

28 января 1980 года передовой отряд полка в составе: 1мсб, 2мсб, разведроты, роты связи и частью инженерно-саперной роты, преодолев с боями за 18 суток около 300 км тяжелого маршрута, достиг Файзабада.

В первых числах марта полковая артиллерия в составе гаубичного артиллерийского дивизиона (без 3-й батареи), реактивная артиллерийская батарея, противотанковая батарея транспортными вертолетами Ми-6 была переброшена в Файзабад.

В течение марта подразделения полка стали регулярно, фактически через день проводить рейды в целях обнаружения и уничтожения душманов на глубину до 30 км от Файзабада. В состав рейдовых отрядов помимо мотострелковых и разведывательных подразделений входила, как правило, и артиллерийская батарея. Так получилось, что 2-я батарея из состава гаубичного артиллерийского дивизиона в марте—апреле осталась единственной боеспособной батареей, расположенной в Файзабаде. Если 1-й и 2-й батальоны вместе с разведывательной ротой полка могли поочередно принимать участие в рейдовых действиях, то 2-я гаубичная батарея выходила на операцию со всеми этими подразделениями. А после возвращения из рейда орудия занимали огневые позиции согласно системе круговой обороны полка, а два орудийных расчета из шести круглосуточно дежурили у орудий.

Можно представить, какие высокие физические и психологические нагрузки испытывали солдаты и офицеры батареи в этот период. От личного состава требовалась полная отдача сил. Следует отметить, что перенесенные батареей во время совершения марша через Памир испытания еще больше сплотили солдат и офицеров, способствовали появлению чувства боевого братства. И в эти наиболее тяжелые первые месяцы боевой службы в Афганистане абсолютное большинство солдат и офицеров батареи проявило верность воинской присяге и высокие морально-боевые качества.

2-я артиллерийская батарея на тактических учениях с боевой стрельбой. На переднем плане командир батареи ст. лейтенант Зубачев А.Б.

Вечером 20 марта 1980 года я получил боевой приказ, из которого следовало, что 2-я батарея с утра 21 марта в составе рейдового отряда должна участвовать в операции с задачей провести разведку маршрута Файзабад—Бахарак, в случае столкновения с бандформированиями нанести им огневое поражение и обеспечить выполнение мотострелковыми подразделениями задачи по уничтожению душманов и установлению контроля над участком дороги. В назначенное время отряд начал движение. Погода в этот день выдалась пасмурной, плотный туман скрывал вершины гор, моросил мелкий дождь и, следовательно, вертолеты не смогли поддерживать действия отряда. Дорога узкой лентой шла вдоль реки Кокча (справа по направлению движения), а слева вплотную к дороге подходили склоны гор. Примерно в 12–15 км от Файзабада головной дозор доложил, что дорога перекрыта каменным завалом, образовавшимся в результате подрыва скальных пород. При попытке разобрать завал по остановившейся колонне был открыт плотный ружейно-пулеметный огонь со стороны близлежащих вершин и с высот, рас-

положенных через речку. Мотострелки спешили с боевых машин и открыли ответный огонь из стрелкового оружия. К сожалению, огонь из вооружения боевых машин не мог поддержать действия пехотинцев, так как конструктивно пушка и пулемет БМП-1 имели недостаточный угол возвышения для стрельбы по целям, расположенным на склонах высот.

С началом боя я приказал развернуть батарею на дороге «елочкой», т. е. когда половина орудий открыла огонь по правым склонам, вторая половина — по левым. Одновременно из автоматических минометов «Василек» открыла огонь минометная батарея, которая следовала в колонне за гаубичной батареей. Огонь противника ослаб, но в рейдовом отряде появились раненые. Обстановка складывалась не в нашу пользу, и командование приняло решение под прикрытием огня артиллерии развернуть технику на узкой дороге и вывести ее и личный состав из-под перекрестного огня противника. Благодаря мастерству механиков-водителей БМП и их командиров удалось развернуть колонну на узкой дороге. Оставалась самая сложная задача — развернуть

артиллерийские тягачи гаубичной и минометной батареей (ЗИЛ-131 и ГАЗ-66), подцепить орудия и минометы, и все это под огнем противника. Орудия по одному прекращали вести огонь, так как расчеты вынуждены были их переводить в походное положение. Водители по командам командиров взводов и командиров орудий в несколько приемов смогли развернуть на горной дороге тягачи, и расчеты смогли сцепить орудия с тягачами. Однако при руководстве оставлением огневой позиции последним орудием пуля вражеского снайпера настигла командира второго огневого взвода лейтенанта Кожевникова Ю.А. Раненого офицера поместили в десантный отсек БМП-1, и машина рванула в пункт постоянной дислокации, где медики были готовы к операции. Но, к сожалению, ранение оказалось смертельным. Так, до конца выполнив

На могиле Кожевникова Ю.А. Слева направо: (сидят) старшина батареи Селиверстов С.В., командир взвода управления Мензатул А.В.; (стоят) командир батареи Зубачев А.Б., старший офицер батареи Таранец В.Н., начальник штаба дивизиона Рубанов А.И., замполит батареи Литвинов А.А.

свой воинский долг, лейтенант Кожевников Ю.А. ценой собственной жизни обеспечил выход мотострелкового подразделения из боя с минимальными потерями (из батальона были ранены три солдата, убитых не было). За этот подвиг Указом Президиума Верховного Совета СССР лейтенант Кожевников Юрий Анатольевич был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

К июню 1980 года в окрестностях Файзабада большую активность проявляло вооруженное формирование душманов, возглавляемое полевым командиром Гульдодом.

Гульдод был влиятельным полевым командиром в провинции Бадахшан и руководил самым большим вооруженным формированием, известным под названием «полк Гульдода». Силы Гульдода базировались на массивной горе Санги Дуздан (высота 2700 м), расположенной в 10 км севернее Файзабада и практически нависавшей над ним. Название горы Санги Дуздан переводили и как «Камень воров», и как «Большой камень». На протяжении многих веков на этой горе различные банды осуществляли между собой обмен награбленными товарами.

На этой горе было множество пещер. На склонах располагались врезанные в скалы небольшие кишлаки, к которым вели узкие тропы. Гора представляла собой естественную крепость, которую защищал опытный противник, грамотно использующий ее рельеф для построения многоярусной обороны. Уничтожение бандформирований мятежников и захват их базы в таких условиях являли собой весьма сложную задачу для полка.

Согласно местным преданиям, гору Санги Дуздан в свое время попытались захватить войска Александра Македонского, а гораздо позднее, в XIX веке, английский экспедиционный корпус. Но ни тем, ни другим не удалось этого сделать.

Командование 40-й армией, регулярно получая от командира полка доклады об оперативной обстановке в районе Файзабада, пришло к выводу, что для ее улучшения необходимо провести крупную операцию по уничтожению бандформирований мятежников, базирующихся западнее и севернее Файзабада и захвату базы Гульдода на горе Санги Дуздан. Задача полка заключалась в том, чтобы двумя усиленными мотострелковыми батальонами из исходных

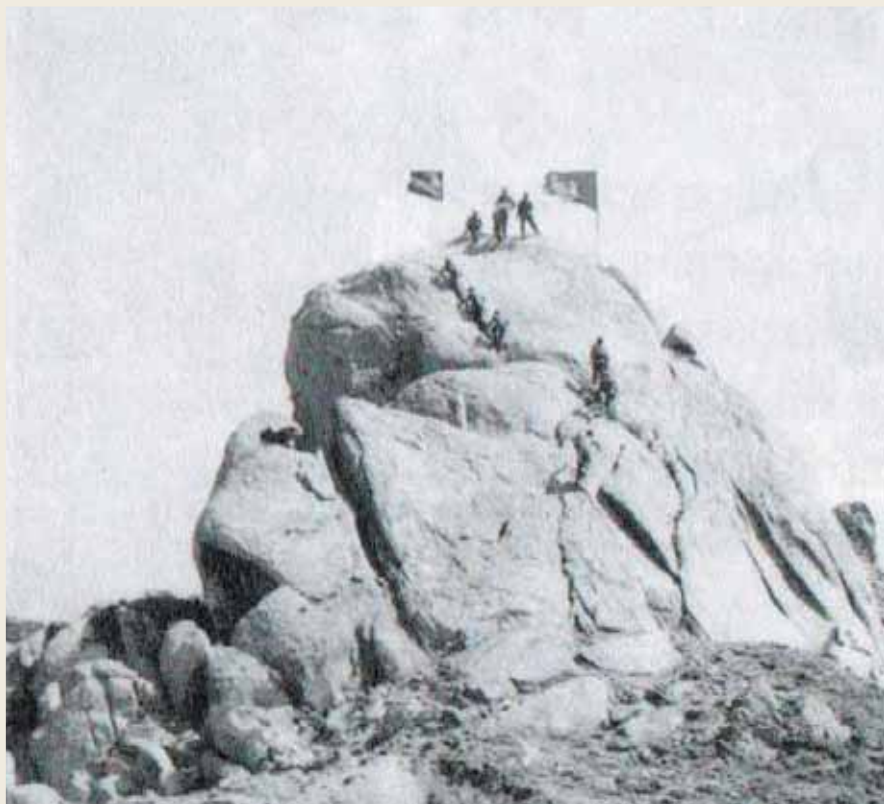
районов сосредоточения совершить пеший марш в горах по двум отдельным маршрутам и к исходу четвертых суток блокировать и уничтожить бандформирование Гульдода, захватить базу мятежников на горе Санги Дуздан.

Артиллерийский дивизион полка в составе двух батарей поддерживал действия мотострелковых батальонов. В батальоны были выделены группы артиллерийских корректировщиков во главе с командирами батарей. Моя батарея поддерживала действия 2-го мотострелкового батальона. Я прибыл на КНП командира батальона капитана С. Зябликова, и мы согласовали вопрос о том, что в операции мой КНП будет размещаться совместно с его пунктом управления.

Из состава батареи со мной в группу корректировки вошли: отделение разведки батареи (командир отделения сержант И. Головкин) без дальномерщика (в горы поднимать многокилограммовый дальномер ДС-1 не представлялось возможным) и старший радиотелефонист рядовой Ю. Суслов.

В первый день операции батальон со свежими силами успешно продвигался вверх, несмотря на то, что условия подъема были очень тяжелые. Ведь сам подъем в гору в условиях летней афганской жары в полном снаряжении, с оружием и многодневным запасом боекомплекта и аккумуляторов для радиостанции усложнял и без того тяжелую задачу. В последующие сутки темпы продвижения заметно снизились. Кроме того, при расположении батальона на ночь необходимо было засветло выбрать удачное место, организовать систему огня и инженерных заграждений. Я пристреливал наиболее опасные участки, откуда противник мог бы обстреливать батальон, всю ночь батарея вела огонь осветительными снарядами, чтобы боевое охранение смогло выполнить свою задачу. А с наступлением светлого времени вновь предстоял трудный подъем в гору.

В начале подъема душманы не оказывали сильного сопротивления, ограничившись обстрелами с дальних дистанций. Сопротивление душманов нарастало по мере приближения батальона к вершине горы. Противник организовал многоярусную оборону, единственную проходимую тропу к вершине горы прикрывали многочисленные, грамотно оборудованные в инженерном отношении огневые точки.

Вершина горы Санги Дуздан взята войсками 860-го полка. Июнь 1980 г.

Обстрел душманами наших подразделений велся из крупнокалиберных и ручных пулеметов, автоматов и винтовок, а также периодически из 82-мм минометов. В эти моменты операции возросла роль артиллерийских подразделений как основного средства огневого поражения противника. Мне приходилось выявлять огневые точки противника и огневыми налетами подавлять сопротивление душманов. Кроме приданной 2-й гаубичной батареи и штатной минометной батареи к подавлению противника привлекалась реактивная артиллерийская батарея полка, целеуказание для которой и корректирование огня приходилось осуществлять мне. Привлекалась для поражения душманов и авиация, координаты целей для ее ударов тоже определяли артиллерийские корректировщики.

Война в Афганистане: Церемония награждения офицеров на плацу пункта постоянной дислокации 350-го гв. парашютно-десантного полка в Кабуле.

Фотография из личного архива военнослужащего 5-й парашютно-десантной роты Сергея Новикова.

Запомнился один эпизод. Мотострелковая рота совершала обходной маневр и на относительно ровной площадке попала под огонь миномета противника. Засечь в горах переносной миномет — задача очень трудная. Я оценил местность, пытаюсь сопоставить дальность стрельбы миномета и целесообразное, по мнению душманов, его размещение. Все сходилось к тому, что огонь миномет вел из небольшой рощи, что росла справа от позиции роты. Я доложил свои выводы командиру батальона и предложил прикрыть фланг мотострелков огнем батареи, что и было сделано. После интенсивного огневого налета огонь противника прекратился. Не знаю, уничтожен ли был минометный расчет или вынужден был сменить позиции, но рота смогла дальше выполнять свою задачу.

Огневое воздействие по противнику продолжалось более суток, и днем, и в ночное время. И вот во вторую ночь осады высоты 1-й мотострелковый батальон, используя тот факт, что душманы уже привыкли к нашим действиям только в дневное время, бесшумно

пробрались к вершине горы и с рассветом атаковали противника с тыла. Атака была столь стремительной и неожиданной для противника, что он после 30-минутного боя прекратил сопротивление. Таким образом, впервые в истории неприступная бандитская база была захвачена мотострелковым полком в составе двух батальонов.

В результате проведенной операции противник понес крупные потери. Было убито более 200 душманов, нами было захвачено 76-мм горная пушка, 120-мм миномет и большое количество стрелкового оружия китайского, английского и советского производства, знамя и печать Гульдоды, бланки удостоверений, а также большие запасы продовольствия, пшеницы и около 50 коров. Из допроса пленных стало известно, что Гульдод в начале операции лично возглавлял оборону своей базы, однако, убедившись, что наши батальоны успешно поднимаются и мы решительно настроены на захват его базы, он покинул район боевых действий. На самом пике высоты, которую мы называли «Зуб», было поднято Красное знамя.

За эту успешно проведенную операцию многие военнослужащие полка были представлены к государственным наградам. Восемь военнослужащих 2-й гаубичной артиллерийской батареи были награждены за эту операцию медалями «За боевые заслуги».

Владимир Анатольевич КОНДРАШИН

Родился в поселке Теплое Тепло-Огаревского района Тульской области в марте 1962 года, в небольшой рабочей семье. Поселок располагается в сельской местности, никаких крупных предприятий в нем нет. Когда встал вопрос, куда пойти учиться после окончания средней школы, раздумывал недолго. К нам каждое лето приезжал дядя моего отца, бывший военный. Его рассказы о годах военной службы повлияли на мое решение связать свою жизнь с армией. Да и старшие товарищи, с которыми рос и которые уже учились в военных училищах, советовали поступать в военное заведение. Ближе к дому было Тульское военное артиллерийское инженерное училище. В нем я с 1979 по 1984 гг. курсантом получал специальность военного радиоинженера, изучал станции МРС-1, СНАР-10, НРС-1.

После окончания училища был направлен для прохождения службы на должность командира взвода радиотехнической разведки батареи радиотехнической разведки разведывательного артиллерийского дивизиона 385-й гвардейской артиллерийской бригады 3-й общевойсковой армии ГСВГ. Бригада в то время рас-

полагалась в местечке Планкен, на Магдебургском полигоне. Через год был назначен на должность помощника начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения технической части этой же бригады. Дивизионы бригады стояли на боевом дежурстве, охраняя западные рубежи Варшавского договора. В артиллерийской бригаде прослужил три года. За это время изучил Магдебургский полигон, поколесил по Германии. Отвечал за обеспечение боеприпасами подразделений бригады.

Уже тогда рассматривалось дальнейшее прохождение службы в Демократической Республике Афганистан, готовились документы. Я проходил медицинское освидетельствование на предмет годности к службе в районах с жарким климатом. Но судьба распорядилась иначе — летом 1987 года, по замене, поехал служить в Читинскую область помощником начальника службы РАВ мотострелкового полка мотострелковой дивизии 36-й ОА ЗабВО. Полк располагался в п. Даурия, недалеко от границы с Монголией и Китаем. Много там было интересного, это незабываемые впечатления и опыт как служебный, так и жизненный. Правда, пробыл я там недолго. В декабре 1987 года в отделе кадров дивизии предложили поехать в ДРА. В то время я был холост, долго раздумывать не стал, да и морально был уже готов. Поэтому уже в феврале 1988 года я вышел из Ил-76 на летное поле в Кабуле.

После беседы с начальником службы РАВ 40-й ОА был назначен помощником начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения 201-й мотострелковой дивизии. Части дивизии были разбросаны по всему северу Афганистана — от Саланга до Кундуза. Крупных гарнизонов было мало, в основном подразделения несли службу на блокпостах вдоль основных магистралей, связывающих южные границы Советского Союза с главными городами ДРА. В это время уже готовился вывод войск, и основной задачей дивизии было обеспечение беспрепятственного проведения частей по этим магистралям.

Моей задачей было обеспечить блокпосты и заставы артиллерийских подразделений боеприпасами. С небольшой колонной — 2 БТР и 5 КАМАЗов, груженых боеприпасами, я побывал на всех артиллерийских заставах дивизии: южном Саланге, Пули-Хумри,

Баглане, Кундузе (северный и южный), Ташкургане, Хайратоне. Это бесценный опыт. Было страшно? Да, но только в начале, потом началась будничная работа. Погрузка, марш, разгрузка, снова марш.

За выполнение задач по обеспечению вывода войск был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени и орденом Красной Звезды за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи Республике Афганистан.

В числе одних из последних, в феврале 1989 года, вместе с дивизией вышел из ДРА и был направлен для дальнейшего прохождения службы обратно в Забайкальский военный округ, где проходил службу на различных должностях — от инженера по техническому контролю, начальника цеха базы хранения боеприпасов до начальника службы артиллерийского вооружения дорожно-комендантской бригады.

В 1994 году поступил в Военную артиллерийскую академию. Вся дальнейшая моя жизнь с этого момента связана с академией. После окончания ее в 1997 году стал адъюнктом, защитил в 2000 году ученую степень кандидата технических наук, проходил службу в должности старшего преподавателя Коломенского филиала, а потом и непосредственно в Санкт-Петербурге, стал доцентом. За это время академия стала университетом, потом опять академией, к ней вернулось историческое название, кафедры меняли номера, названия, объединялись, я оставался постоянно с академией — поступил майором, дослужился до полковника.

В 2012 году, по достижении предельного возраста, уволен в запас. С академией не расстался, продолжаю преподавательскую деятельность уже как гражданский человек.

Александр Владимирович ПЛУГИН

Родился в 1963 году в г. Челябинске. Отец был рабочим на Челябинском тракторном заводе, мама — акушеркой в роддоме. Через полгода после моего рождения семья переехала в Белоруссию. Там отец поступил на сверхсрочную службу в дивизию морской авиации Балтийского флота.

После 8-го класса поступил в Ленинградское суворовское военное училище; по окончании — в Коломенское высшее артиллерийское командное училище, которое окончил с отличием в 1984 году.

Начал офицерскую службу в Забайкалье (Монголия) командиром взвода 82-мм миномётов в мотострелковом батальоне. С декабря 1985 по декабрь 1987 года воевал в Афганистане в десантно-штурмовой бригаде: командиром взвода, а затем зам. командира — старшим офицером батареи 122-мм гаубиц. Продолжил службу в Ленинградском военном округе: командиром взвода 130-мм пушек; командиром батареи 152-мм пушек-гаубиц; офицером оперативного отдела штаба арtdивизии; командиром гаубичного дивизиона.

С 1988 по 1991 гг. был командиром группы разминирования ЛенВО; лично собрал и уничтожил более 500 боеприпасов, оставшихся с Великой Отечественной войны.

В 1998 году с отличием окончил Военно-артиллерийскую академию. После сокращения артчастей назначен в НИИ ракетных войск и артиллерии (РВиА), где прошёл все должности от младшего научного сотрудника до начальника лаборатории. Принимал активное участие в разработке и испытаниях перспективных боеприпасов; автор научных работ, учебников и наставлений по боевому применению РВиА.

В 2005 году окончил с отличием юридический факультет СПбГУ.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АФГАНИСТАНЕ

Бараки

56-я отдельная десантно-штурмовая бригада (56 одшбр) вошла в Демократическую Республику Афганистан (ДРА) одной из первых — в декабре 1979 года. С ноября 1981 года дислоцировалась в г. Гардез (провинция Пáктия).

Третий десантно-штурмовой батальон этой бригады (3 дшб) расположен в соседней провинции Логáр. Задача 3-го дшб — сопровождение автоколонн, поиск и уничтожение караванов с оружием, содействие становлению «народной власти». С этим пока туго. Бывшая столица Логара — кишлак Баракибарáк — всего в 5 км южнее, но туда нам ходу нет: это вотчина одного из семи крупнейших «мятежников», руководителя Исламской партии Афганистана (ИПА) Гульбедина Хекматияра. К провинции примыкает так называемый «Пешаварский выступ» — часть Пакистана, глубоко врезающаяся на территорию ДРА.

Пункт постоянной дислокации (ППД) 3-го дшб находится на окраине кишлака Вунí-Суфлá. Для самообороны оседлали три соседних горки: «Малую», «Среднюю» и самую дальнюю господствующую — г. Мир-Абдальсахиб, или просто «Мирабдáль». Там дежурят по месяцу 10...15 человек и, вконец одичав, спускаются в ППД. Техника туда не заберётся, и всё необходимое приходится таскать на себе; частенько по ним стреляют. Но на боевые выходы они не ходят; в строю не стоят; поэтому служба там считается об-

Вид на ППД с вертолёта. Позади — «Малая горка»

легчѐнной, почти «тепличной»; туда иногда «прячут» бойцов, не прижившихся в суровом коллективе десантной роты.

Батальон поддерживает наша 1-я артиллерийская батарея из артдивизиона 56 одшбр. В батарее — 81 человек; огневая позиция (ОП) — на окраине батальона, под горами; поэтому мы тоже числимся в «боевом охранении»: у орудий должно дежурить 1/3 личного состава днём и 2/3 — ночью. У нас по штату восемь 122-мм гаубиц Д-30, гусеничные бронированные тягачи МТЛБ, две командирские машины МТЛБу и «Уралы» для перевозки боеприпасов. В разное время было до двенадцати орудий (одно из них стояло на Малой горке; другое, разобрав на три части, подняли вертолётами на Мирабаль) плюс трофейные «игрушки»: 12-ствольная 107-мм реактивная установка, крупнокалиберные пулемѐты КПВТ и ДШК, 82-мм миномѐты и другие. Рядом — позиция реактивного взвода из нашего дивизиона: три боевые машины БМ-21В (12-ствольный десантируемый вариант «Града»). Кроме того, в 3-м дшб есть ещё своя штатная 120-мм самоходная миномѐтная батарея — шесть са-

моходных бронированных орудий «Нона-С» и шесть буксируемых миномётов «Сани». В масштабах афганской войны — серьёзная огневая мощь.

Дальность стрельбы наших орудий в горах значительно выше, чем на равнине, за счёт разреженности воздуха (18 км вместо 13). Но её всё равно не хватает, для того чтобы перекрыть всю зону ответственности батальона. Поэтому два-три раза в неделю выходим из ППД двумя-тремя орудиями «на войну»: для сопровождения колонн, для прикрытия разведчиков в засадах, для поддержки боевых действий десантных рот, для поражения бандформирований «мятежников» (так они тогда официально назывались) в отдалённых и труднодоступных горных районах. Изредка нас привлекают на операции 40-й армии в других провинциях ДРА.

Офицеры нашей батареи и бойцы-связисты кроме того ходят корректировщиками с разведгруппами и автоколоннами.

Батальон, в отличие от остальных частей Ограниченного контингента, живёт не в палатках или землянках и не в фанерных «модулях», а в двух кирпичных зданиях бывшей английской миссии. Батарея располагалась сначала там же, вместе с 7-й десантно-штурмовой ротой (жили в три яруса, офицеры в одном кубрике с бойцами), а затем мы построили себе новую казарму, используя в качестве «кирпичей» несколько тысяч снарядных ящиков, наполненных замесом глиняной пыли с соломой. Крышки и днища — на внутреннюю обшивку стен и потолка. Хоромы получились знатные, спасибо комбату — Безрукову Павлу Васильевичу, — деятельный командир со строительной жилкой. У нас на батарее своя баня с парилкой и (совсем уж роскошь для ДРА!) огромный бассейн. Вот только воспользоваться им нам удастся не часто...

Первые впечатления — самые запоминающиеся, расскажу о них.

Работают сапёры

Первая колонна

На следующий же день по приезду в Бараки выезжаю на сопровождение колонны.

В отличие от большинства других частей в ДРА, мы сопровождаем колонны не в движении (располагая «броню» среди машин колонны) и не со стационарных постов (как на магистральных дорогах), а размещая свои боевые машины вдоль дороги. Главная задача — не дать «духам» подобраться близко к дороге и прицельно выстрелить по колонне; вызвать огонь на себя и подавить огневые точки противника.

В четыре утра — построение бронегруппы. Краткий инструктаж — и по машинам. Мы со старшим офицером батареи (СОБом) Сергеем Малыгиным (полтора года в ДРА) назначены корректировщиками в «девятку» — 9-ю роту.

Сначала выдвигается 8-я дшр: её зона ответственности начинается сразу за ближайшими дувалами. Дорога до войны была хорошая: почти прямая бетонка (англичане клали). Сапёры идут впе-

Воронка ЗРВ

реди пешком, проверяя щупами плотность грунта на местах бывших воронок: твёрдый — всё в порядке; если рыхлый — значит, вероятно, на этом месте мина. Каждая воронка на десятках километров — у них в памяти. Есть и огромные, «именные»; Сергей скупо поясняет: «воронка ЗРВ» — здесь подорвался на фугасном заряде БТРД зенитно-ракетного взвода, около этой — танк с оторванной башней, эта — от авиабомбы. А вот чёрные остовы МаЗов — сожгли «бабайскую» (афганскую) колонну...

«Броня» медленно ползёт мимо полуразрушенных дувалов, между малюсеньких участков, разделённых глинобитными стенками, арыками, линиями деревьев и кустов. С непривычки кажется, что каждый участок дороги — идеальное место для засады.

Не покидает ощущение нереальности происходящего: всё, как в кино «про войнушку», но чего-то не хватает. Наконец понимаю, в чём дело: нет музыки «за кадром». Странное чувство: вот ты, представитель такой прекрасной и сильной страны, сидишь тут на виду у всех; — и любой желающий может «снять» тебя одним движением указательного пальца, никакая мощь державы тебе не по-

“Обгон по встречке”

может. Хотя бы броневыми листами огородили нас, что ли... Кстати, офицерам надевать бронезилет и тем более каски было не принято (только в месяц замены, — под самый конец службы — «заменщики», выходя с бронегруппой на боевые, демонстративно могли надеть два), а бойцов — заставляли обязательно. Кроме, конечно, пеших разведывающих: там — все «налегке».

БМПэшки одна за другой встают на свои позиции: через 300—500 метров справа и слева от дороги, в наиболее опасных местах. Подошла и наша очередь, встаём неподалёку от командира «девятки». Сапёры с 7-й дшр уходят за гору Патугар и дальше — за ущелье Вагджан до «Мухаммедки» — кишлака Мухаммедага-Вулусвали.

В ожидании колонны Сергей предлагает:

- Давай постреляем, потренируешься корректировать огонь.
- А что, можно?
- Конечно, куда хочешь! Вон видишь — отдельный заброшенный дувал в трёхстах метрах? Работай.

Прикинув положение дувала относительно ближайшей плановой цели, подаю команду на ОП.

Первый (дымовой) снаряд не долетает метров на 250 (понятно: зима, летят ближе). Ввожу корректуры (что-то медленно работают десантники, потренировать бы!), второй снаряд (осколочно-фугасный) — перелёт 150.

Цель в «вилке», можно переходить на поражение. Вдруг над краем дувала появляется женская фигура, затем ещё одна и ещё: Зарина, Джамиля, ..., Зухра, Лейла, Гюльчатай... Да он — жилой! Хозяин жён своих выгнал на крышу?

Охоту «просто так пострелять» мне отбило на все два года.

Первое занятие

На следующий день — комсомольское собрание батареи. Я выступать не любитель, но тут не выдерживаю:

— Вчера на колонне расчёты работали медленно, связисты правил радиообмена не соблюдают, вычислители поправок на метеословия не вводят... У вас такие возможности для тренировки, а вы их не используете!

Инициатива — наказуема... Комбат после собрания ставит задачу:

— Теперь это — твои подчинённые, вот и учи. Занятие сегодня в 17.00, конспект мне на подпись к 16:00.

— А боевыми стрелять можно?

— Да куда хочешь!

Нет, это я уже слышал... Сочиняю план-конспект: снимаем орудия с ОП, выезжаем на 100 м за «колючку», имитируем работу с неподготовленной ОП, сворачиваемся, «отражаем нападение» на колонну огнём прямой наводкой (расход — по три снаряда на орудие, цель — корпус подорванной БМП в 400-метрах, у подножия гор; и по 50 патронов на пулемёт по пустым снарядным гильзам), оставляем ОП и к ужину возвращаемся домой. Всё с элементами соревнования между расчётами: так интереснее.

Василич «подмахивает» конспект, не читая.

В 18:00 — ежедневное совещание ротных у командира батальона. Вдруг — интенсивная пальба, близкие разрывы: пол ходит ходуном. Обстрел? Нападение на батальон? Землетрясе-

Логарские артиллеристы изучают трофейное оружие. Слева направо: Николай Плис, Александр Плугин, Сергей Шиян, Виталий Жихович, Олег Матижев

ние? Все командиры высыпали наружу. Артбатарея — в дыму и пыли.

— Безруков, что там у тебя?

Василич не теряет:

— Да это моя лягушонка в коробчонке скачет... Молодые лейтенанты занятия проводят.

Но вернувшись на батарею, пытается учинить нам разнос: «Вы что творите?! КТО разрешил?!»

Протягиваю конспект с его подписью.

Смягчился: «А здорово пехота перетрухнула! Но командир батальона похвалил, так держать!»

В дальнейшем подобные занятия стали своеобразным развлечением, скрашивая однообразные будни в периоды затишья.

Первый обстрел

Вечер 25 марта 1986 года. Сегодня моя очередь дежурить на огневой позиции. Давно пора бы уже быть на ОП; но уж очень хочется попозже выйти из тёплой казармы во тьму: всё равно торчать мне там на снегу до самого утра. Слова комбата о том, что по разведанным готовится обстрел батальона, кажутся очередной страшилкой: они уже месяц об этом предупреждают — и ничего.

Но вот сквозь слова диктора программы «Время» слышится едва различимое нарастающее посвистывание. Бойцы насторожились: «Обстрел!» Вылетаю из казармы одновременно с первым разрывом реактивного снаряда (РС). Тут же звучит наш ответный выстрел (по заранее назначенной на этот случай цели). Через минуту — я на ОП. «Проснулось» на горках боевое охранение, тщетно вглядываются в крошечную ледяную темень. Но вот чиркнули от земли новые огненные полосы: ещё один залп, с другой стороны! Началась работа, пошли команды: «Цель..., заряд..., прицел..., уровень..., угломер..., огонь!» С треском рвутся неподалёку вражеские снаряды, глухо бухают, огрызаясь, наши гаубицы. Согрелись расчёты.

Через некоторое время «война» прекращается: «духи» план выполнили, снаряды израсходовали. Считаем людей, разряжаем автоматы, собираем стреляные гильзы.

В ту ночь никого не зацепило, — ни у нас, ни у «пехоты». Вряд ли и мы попали по противнику...

Ближе к лету обстрелы стали обыденностью, к ним привыкли. Одно время «духи» устраивали их «по расписанию»: как стемнело, садимся на улице пить чай и поглядываем на часы: 22.00 — пора начинать, маэстро, третий звонок. О, засвистело, — пошли на работу... Опытным ухом легко определяли траекторию полёта: этот — перелётный...; этот — уйдёт левее...; о, а теперь пора в укрытие!

Обстреливали нас в основном китайскими 107-мм РС-ами — осколочно-фугасными и зажигательными (у этого внутри паста с белым фосфором, который самовоспламеняется на воздухе и полыхает, пока весь не выгорит; попытался как-то растереть такой «шлепок» ботинком, поднимаю ногу — горит и подошва, и песок

под ней). Иногда «под шумок» клали 82-мм мины (весьма неприятная штука, понимаю нелюбовь к ним фронтовиков).

Но мы, используя для разрыхления грунта трофейные противотанковые мины, оборудовали свою позицию как положено: орудия — в окопах, на каждое — по два блиндажа (погребок под боеприпасы и укрытие для расчёта); между ними — ходы сообщения полного профиля (т. е. в рост); у командиров взводов и СОБа — по блиндажу, капониры для тягачей... Поэтому вреда нам эти обстрелы не приносили. За два года интенсивных боёв в батарее ранен был только один наводчик 1-го орудия Леонид Маганов (лёгкое, в руку).

Горжусь, что вернули всех своих бойцов матерям живыми.

Первая засада

Сегодня в ночь выхожу в первый свой разведывод, корректировщиком огня. Это определённый знак доверия: со мной готовы идти в разведку. Бойцы батареи завидуют: им суждено всю службу быть при орудиях.

Командир батальона майор Истратий ставит задачу: по данным наших советников в одну из ближайших ночей из одного кишлака в другой должна перейти банда численностью 30—40 человек. Путь их пролегает через горную гряду, наиболее вероятный маршрут — по этому перевалу. Решено их встретить на перевале, устроив засаду. Идти предстоит недалеко, вот только на карте маршрута тонкие горизонталы сходятся, сливаясь в коричневые пятна: там вертикальные стенки, что ли? Но старожилам виднее, ни мне их учить.

Набиваю свой ранец десантника (РД): патроны в пачках, гранаты, запасное питание к радиостанции, сухой паек, сверху притачиваю лёгкий трофейный спальник с завёрнутыми в него тёплыми вещами: ночью пригодится. На груди — самодельный «лифчик» с автоматными магазинами и гранатами. На поясе две пластмассовые фляги по полтора литра: не густо, но, говорят, трое суток протянуть можно. Посчитав экипировку недостаточно воинственной, пристёгиваю к автомату подствольный гранатомёт и запикиваю в РД дюжину гранат к нему.

На построение перед выходом нас выходит провожать полбатальона.

В темноте подходит комбат самоходчиков Юра Подчерняев:

— Саня, зачем тебе этот маскарад? Оставь подствольник: не твоя это работа.

Я и сам чувствую, что перебрал: на мне килограммов под 30. Но уже поздно. К тому же рядом ещё более навьюченные бойцы разведвзвода с ПК, АГС, сапёры с МОНами, связисты с радиостанциями... Неужели я слабее их?

Командир разведвзвода строит группу в походном порядке. Проходя мимо каждого, указывает, куда стрелять при внезапном нападении: «Вправо — влево, вправо — влево...» Разбиваемся на «боевые тройки»: держаться друг друга, чтобы никого не потерять в бою; и — в случае чего — двое смогут вытащить третьего.

Сели на БМП — «Вперёд!». Остановились у подножия г. Мирабаль. Дальше — пешком. Поднимаемся на нашу заставу. Да, прав был Юра: подствольник — явно лишний... В лунном свете — потрясающий вид на всю долину (как с самолёта!), в трёх километрах — знаменитые на весь Афган кишлаки Баракибарак и Баракí, «в которые не ступала нога неверного с 1917 года», когда ушли англичане.

Командир охранения, проводив нас за минное поле, жмёт руки: дальше — по этому хребту — на запад.

Карта не обманывала: между вершинами уклоны под 45 градусов. По сто метров вниз-вверх, вниз-вверх... Головной дозор на следующей горке — можно спускаться. Поднялись — прикрываем «голову» и поднимающийся сзади «хвост» — замыкание.

Каждый грамм поклажи превращается в килограмм. Очередная седловина. Дальше вверх — каменная осыпь из мелких и острых осколков. Они расползаются под ногами, попадают в ботинки и режут в кровь ноги, не дают подняться: десять минут месить — на пять метров продвинулся.

Боевой порядок смешался. Впустую буксуем на месте в облаке пыли. Она забивается в нос, рот, похоже — доверху заполняет лёгкие. Кровь бьёт по черепной коробке, как по барабану; шум стоит, кажется, на всю округу. Хорошо, противника нет: сейчас нас можно из рогатки перестрелять...

Перед глазами — красные круги... Рядом опускается на колени сержант:

— Товарищ лейтенант, пристрелите меня — я больше НЕ МОГУ!»

Чем тебе помочь, братишка, когда я сам — такой же?.. Вырываю из рук оружие:

— Давай автомат, ДЕСАНТНИК!..

Странно, но с чужим АКС, кажется, идти даже легче. Открылось «пятое дыхание»? Или злость добавила сил? А сержанту? Через минуту тянет снизу за штанину: догнал!

— Товарищ лейтенант, автомат отдайте...

К рассвету выходим-таки «на задачу». Офицеры ложатся на землю головами в центр. Плотно накрывшись плащ-палаткой, освещаем фонариком карту. Командир группы уточняет задачу, «нарезает» сектора обстрела огневым средствам.

Мой связист, устраивая рядом СПС (стрелково-пулемётное сооружение — бруствер из камней вместо окопа), будто бы случайно обращается ко мне на «ты». На первый раз пропускаю мимо ушей. Но через некоторое время «тыканье» повторяется, уже уверенней.

Солдат на год старше меня, полтора года воюет, да и сегодняшняя ночь нас сблизила. Неизвестно ещё, что впереди... Но нет, так и до панибратства недалеко. Подчёркнуто перехожу с ним на «вы». Понял — осёкся.

Устроились, но «гостей» нет. Просидев без дела ещё двое суток, вызываем «броню». Десять минут на спуск в долину, ещё десять — и мы дома.

Спецназ. Первый выход

Рядом с нами в одном городке стоит некий «4-й отдельный мотострелковый батальон»; но всем (в том числе и противнику) известно, что это отряд специального назначения ГРУ ГШ. Главная их задача — пресечь поставки бандам оружия, боеприпасов, пополнения, материальных средств из соседнего Пакистана через нашу провинцию Логар. Так как иных путей снабжения, кроме караванных троп, в горах нет, то задача сводится к поиску, досмотру и/или уничтожению

Военврач Белевитин

караванов с оружием. Работы много: каждую ночь в разных районах ведут поисково-засадные действия по несколько групп.

В отряде много легендарных личностей.

Заместитель командира батальона, капитан, в просторечии — Фёдорыч. Он больше всех проводит «в поле», непосредственно руководит наиболее сложными выходами.

Врач отряда, лейтенант Александр Белевитин, выпускник Военно-медицинской академии, — настоящий чудесник; о нём ходят легенды. Каждый уверен: если раненого довести живым до ППД — Борисыч умереть ему не даст.

У спецназовцев, в отличие от обычной пехоты, представления об артиллерии нет никакого; у них — «зашито» в психологии с курсантских лет: вся надежда на себя, на стрелковое оружие, в крайнем случае — на авиацию. Однако неразумно, имея под боком такую огневую мощь, как наша, её не использовать. Провожу занятия с офицерами, рассказываю о боеприпасах, об огневых возможностях своей батареи, об особенностях рассеивания снарядов, о правилах корректирования огня.

Выход на «броню»

Наконец в один прекрасный вечер получаю приказ: поступаешь в распоряжение «соседей». Планируем с ними совместный выход; наша задача — поддержать огнём действия двух групп, организующих засады на караванных тропах в предгорьях.

В темноте присоединяемся к колонне разведчиков, и — вперёд! Ночь лунная, поэтому фар не зажигаем. Но если первым ещё что-то видно, то мы идём в сплошном облаке пыли, поворачивая туда, где она погуще: за впереди идущим БТР. За нашими гусеничными тягачами пыли ещё больше — вообще тьма египетская.

Через час движения по степи Бинисарá сзади сигнал: стоп. У нас ЧП: в пыли «Урал» с боеприпасами налетел на идущее впереди орудие, смял ему ограждение, повредив спусковой механизм, а себе — пробил радиатор. Фёдорыч расстроен: из-за артиллеристов придётся возвращаться, не выполнив боевую задачу.

Предлагаю перегрузить наши 120 снарядов из «Урала» в тягачи, а неисправную машину отбуксировать домой БТРом. Навстречу им вышлют подмогу.

- Да тут — до утра работы... Сколько вам нужно времени?
- За полчаса управимся.

На временной огневой позиции

— Время пошло...

Выгружаем ящики из грузовика, вытаскиваем снаряды, гильзы и — россыпью — на пол МТ-ЛБ. Пустые ящики — обратно: ценный стройматериал! Работа спорится. Через 27 минут продолжаем движение.

Пришли на место. Заняли позицию в сухом русле на одной из высоток. Пока не рассвело — сориентировал приборы и орудия с помощью азимутальной насадки (по звёздам). Уточнил свои координаты — «привязался». Метеостанции, конечно, нет, но помню советы преподавателя — бывалого артиллериста полковника Баленко: рву десяток бумажек, бросаю их по очереди над буссолью, замеряю углы мест падения и, прищёпывая, считаю шаги до каждой, вычисляя таким способом направление и скорость приземного ветра... Внезапно ловлю на себе удивлённые взгляды разведчиков: что-то артиллерия шаманит...

Орудия наведены в плановые цели. Готово. Иду с докладом к Фёдоричу. У него на карте наше месторасположение: «В случае чего выходим отсюда по этому маршруту...»

Почти все сухие русла на карте — одинаковые. Но я не согласен: мы в другой точке, в двух километрах северо-восточнее.

— Да не может того быть: мы тут всегда стоим.

Пытаюсь доказать: Полярная звёзда, Бетельгейзе, буссоль, дирекционные углы, обратная засечка, способ Болотова... Для пехотного командира — тарабарщина какая-то.

Внезапно наш спор прерывается докладом командира одной из групп: на противоположном от нас склоне горы он видит банду человек в тридцать. С тяжёлым вооружением: ДШК, безоткатка... Если завязывать с ними бой — потерь не избежать.

Но именно на такой случай мы и здесь. Подаю команду на открытие огня, а в груди холодок: цели не вижу, а вдруг мы действительно ошиблись на два километра? Сейчас стрельба покажет, кто был прав... Первый — дымовой: не попасть бы по своим... Выстрел! Девятнадцать секунд полёта...

С горки радостный вопль командира группы:

— Перелёт сто метров!..

Отлично для таких условий! Сейчас чуть уменьшим дальность...

Но тут же:

— Не надо корректировать! Туда же давай!

Двадцать снарядов два орудия выпускают за минуту.

Как потом выяснилось, «духи» оказались непуганными, незнакомыми с артиллерией: увидев дым, поднимающийся из-за дувала, вся банда побежала туда, чтобы посмотреть, что происходит. Так, единственный раз, цель сама пришла к разрывам.

Спецназ доволен: вместо затяжного боя с неопределённым исходом — минута работы — и «война» закончилась; собирай «результат»: оружие, документы, контуженные «духи»...

С тех пор мы стали работать вместе постоянно.

В этих совместных выходах сделал интересное наблюдение. Наверное, коллективное оружие сплавивает людей. В пехоте — каждый сам за себя, «всё своё носит с собой»; каждый грызёт в одиночку свою банку тушёнки и пьёт из своей фляги; коллективные запасы делать не принято, даже если есть такая возможность. Танкисты живут и ведут хозяйство экипажами. У артиллеристов — общий стол (с командиром во главе): первое, второе и компот, горя-

чие лепёшки; запасы воды, дров и всякой бытовой всячины. На вторые сутки выхода от БТРов спецназа начинают тянуться просители (подсылают, конечно, кого помоложе): «Дайте водички попить!». Наши не упустят возможности поддеть «суперменов»: «Свою надо иметь! Не пешком сюда пришли, у вас — такая же «броня»... Ну да ладно, наливай из той бочки: специально для вас брали, «мабута»!

Встреча с Родиной

Каждые полгода в Союз возвращаются дембеля-«афганцы».

Каждые полгода по ТВ и в газетах праздничные кадры: бело-снежный «Ту-154» в ташкентском аэропорту, девушки в национальных одеждах, хлеб-соль на лётном поле, счастливая встреча с родными.

Война в Афганистане: Личный состав 5-й парашютно-десантной роты 350-го гв. парашютно-десантного полка с полным боевым снаряжением спускается с горы. Фотография из личного архива военнослужащего 5-й парашютно-десантной роты Сергея Новикова.

Но нам не повезло попасть в такую «парадную» партию; нас Родина встречала по-другому.

Аппарель Ил-76 медленно опускается... Человек в белом халате: «У кого нет справок — из самолёта не выходят!» Лихорадочно ищем какие-то бумажки, которые нам настоятельно рекомендовали взять в медроте (а мы-то, дураки, смеялись!). На другом конце «взлётки» — одноэтажное здание военного аэродрома Тузель; до него две шеренги из пограничников с автоматами. Рвутся из рук овчарки. Сохраняя достоинство, не бежим по этому коридору, как все; в результате оказываемся в хвосте огромной очереди. Тщательный таможенный досмотр (ба, да это ж тюремный «шмон»!) заканчивается после полуночи. Выходим во тьму: автобусы в город не ходят, а золотое время отпуска тает... Тут как тут услужливые аборигены на «копейке»: «Камандыр, по дэсять рублэй аэропорт». В машине их трое, нас — двое, зажатых на заднем сиденье... Выезжая на трассу, повернули не в сторону светящихся огней Ташкента, а в противоположную... Попетляв среди глинобитных дувалов, остановились перед воротами... Переглядываемся с Саней: сейчас бы нам те гранаты, может, зря выбросили... Въехали во двор — с разных сторон подходят несколько мужиков... Всё, приплыли?..

Радостные крики, объятия; на нас — ноль внимания. Это, оказывается, подбросили к родственникам двоих наших попутчиков. Разворачиваемся и гоним на огни Ташкента. Хорошо отделались, а ведь бывали случаи и пострашнее...

До сих пор не могу взять в толк: что стоило командованию Туркестанского округа наладить регулярное сообщение Тузель — Ташкент (не надо автобус — хватило бы одного-двух «Уралов» — народ ехал неприхотливый)?

В ташкентском аэропорту: «Девушка, один билет до Москвы». — «Билетов нет!» Вздохнув, вспоминаем инструктаж бывалых предшественников. Вложив в заграничного по червонцу, снова протягиваем в окошко: «А два билета?». Теперь — «Пожалуйста!»

«Афганский синдром»

Знакомые замечают: «Взгляд у тебя стал быстрый». Действительно, проходя по улице, невольно замечаешь вокруг себя ВСЁ: движение в окне, человека на крыше, мелькнувшую тень от птицы. Все кругом — какие-то «заторможенные»: соображают невероятно туго, действуют раздражающе медленно.

В гостях у друзей. Их годовалый сын, балуясь, опрокинулся вместе с детским стульчиком навзничь на кафельную плитку. Как в замедленном кино: успеваю обежать вокруг стола и подхватить ребёнка у самого пола. Родители, стоявшие рядом, только глазами хлопают: «Как ты успел?».

Не могу просто ходить по траве: прежде чем опустить ногу на землю, надо «снять с предохранителя» сознание: здесь — можно, здесь — безопасно.

Садясь над колесом в автобусе, осознаёшь, что это место — не самое опасное: мин здесь быть не должно.

Оказывается, некоторые привычные звуки очень похожи на свист РСов. Под окном у родственников троллейбусная остановка: шуршание шин заставляет напрягаться за столом и совсем не даёт спать ночью. Над Павловском постоянно кружат самолёты, идущие на Пулково. Характерный свист летящего тела заставляет (каждый раз!) автоматически искать глазами подходящее укрытие, мозг пытается вычислить траекторию падения...

Наверное, не всем под силу перенести это напряжение.

Но через полгода — постепенно — отпускает.

Виктор Васильевич ПОЛУНИН

Родился 9 октября 1954 года в деревне Бирюковка Большесолдатского района Курской области.

В 1972 году, после окончания Московского суворовского военного училища поступил в Одесское высшее артиллерийское командное ордена Ленина училище имени М.В. Фрунзе, которое окончил с отличием в 1976 году. Проходил службу в войсках на должностях от командира взвода в мотострелковом полку до командира артиллерийского дивизиона в армейской артиллерийской бригаде. Служил в Центральной группе войск, Туркестанском военном округе (Ограниченный контингент Советских войск в Афганистане), Сибирском военном округе.

В 1985 году поступил в Военную артиллерийскую академию им. М.И. Калинина, которую окончил с отличием в 1988 году и сразу поступил в адъюнктуру академии при НИГ.

По окончании адъюнктуры в 1991 году служил младшим научным сотрудником, начальником отделения – старшим научным сотрудником в НИГ академии.

В апреле 1996 года назначен преподавателем кафедры стрельбы. Проходил службу на кафедре до июня 1998 года.

С июня 1998 по октябрь 2010 гг. проходил службу на кафедре боевого применения РВиА в должностях: старшего преподавателя (июнь 1998 — август 2000 гг.), заместителя начальника кафедры (сентябрь 2000 — сентябрь 2002 гг.), начальника кафедры (октябрь 2002 — октябрь 2010 гг.).

В процессе научно-педагогической деятельности проявил себя как настоящий педагог и ученый. Внес существенный вклад в подготовку иностранных офицеров.

Был научным руководителем адъюнктов, которые успешно защитили кандидатские диссертации. Опубликовал свыше 100 научных и учебно-методических работ. С ноября 2010 года работает на кафедре тактики (и боевой работы РВиА) в должностях преподавателя, старшего преподавателя, доцента. Полковник запаса, кандидат военных наук, профессор.

★ Принимал участие в боевых действиях в Республике Афганистан с февраля 1980 года по июнь 1981 года в должности командира артиллерийской батареи мотострелкового полка. Участвовал во многих боевых операциях в районах Саманган, Мармоль, Шибаргак, Ташкурган и других.

★ Награжден орденом Красной Звезды за мужество и героизм, проявленные при проведении боевой операции в районе Мармоль.

★ За время службы в Афганистане был трижды ранен.

★ Награжден 15 медалями СССР, России и иностранных государств.

Кому-то это может показаться странным, но службу в Афганистане я вспоминаю, как свои лучшие годы. Время идет, и сейчас кажется, всё прошло, как один день.

Тогда мне было 26 лет. О том, что наши войска вошли в Афганистан, я услышал по радио 27 декабря 1979 года. Мы тогда жили в Чехословакии, я служил в Центральной группе войск, был командиром батареи. Помню, как сказал жене: «Вот наконец-то свершилось! Так и должно быть». Это сообщение меня ничуть не удивило,

так как все к тому и шло, однако, что сам окажусь там — и предположить не мог. В начале января нам сказали: «Желающие ехать в составе Ограниченного контингента Советских войск в Афганистан могут написать рапорт», что я тут же и сделал. А у меня семья — жена и два сына, одному три, другому — полгода. Жена с обидой высказала мне: «Для тебя семья — ничто, для тебя главное — ордена». А я иначе поступить не мог, потому что коммунист, потому что жизнь посвятил армии — погоны носил с 15 лет.

Расставаться с семьей было тяжело. Делать все надо было быстро. За пять дней собрали все свое имущество в контейнер и отправили в Советский Союз. Своего жилья у нас не было, и жене предложили выбрать квартиру: либо в Киеве, либо в Донецке. Она с детьми поехала в Киев, но в предложенной квартире жить оказалось невозможно, и вскоре они переехали в Донецк, к теще, и остались там до моего возвращения.

На следующий после их отъезда день, 14 января, я уже сидел в эшелоне, который направлялся к аэродрому в Миловице, чтобы затем полететь в Карши.

Приземлились на узбекской земле. Вышли из самолета — вокруг пустыня. Сели в эшелон и поехали до Термеза, где нас уже ждала техника и вооружение.

Лагерь наш представлял собой огороженную траншеей территорию гектаров пять, всю заставленную техникой. Это не могло не впечатлить. Ведь мы прилетели без вооружения, только с вещевым имуществом. А здесь почти всё с нуля: техника новая, не обкатанные машины, орудия, правда, старые, с консервации. Две с половиной недели мы занимались подготовкой техники и вооружения к боевому применению. Мне-то было

легко: я прилетел со своим личным составом, все одного призыва — 54 человека, с которым до этого полгода занимался. Каждый знал свои обязанности. Но без курьезов не обошлось. Помню интересный случай.

Нас вооружили полностью, выдали боевые ручные гранаты. Я в суворовском училище бросал учебные гранаты с боевым взрывателем, в училище метал боевые гранаты из окопа, а тут — совсем другое дело. Никто из моих сержантов и солдат никогда боевых гранат не бросал. И я решил их обучить. Построил всю батарею за окопом, метрах в 15. Каждому бойцу лично в окопе выдаю гранату, напоминаю: кольцо снял — размахнулся — бросил в цель — укрылся. И всё было как надо, пока не подошла очередь рядового Мамталиева. До того парень разволновался, что руку разжать не мог. Зажал в кулаке гранату, кольцо снял, бросает, а пальцы не разжимаются. Я ему: «Бросай!» — бросает, а кулак не разжимается. Второй раз: «Бросай!» — не разжимается. Третий раз — бесполезно. Вижу: пальцы у него побелели, стоит, дрожит. Я понимаю, несколько секунд у меня есть, подхожу к нему: «Спокойно. Давай вместе с тобой бросим. Раз!» — и граната улетела за два метра,

мы с ним — сразу на дно окопа... Да, бывало, «заклинивало» что-то в сознании, срабатывали какие-то внутренние рецепторы...

В течение двух с половиной недель мы подготовили технику, вооружение, провели учения с боевой стрельбой. На рассвете 2 февраля в составе полка своим ходом по понтонному мосту преодолели реку Сыр-Дарья и вошли в Афганистан.

Я видел, как трудно моим солдатам. Ведь чтобы выстрелить из орудия, его надо закрепить. А когда «развертываешься» на дороге — это сделать невозможно, потому что дорога — это камень. Командую: «На станины!», и по два бойца сразу на них садятся. Орудие стреляет, их оттуда отбрасывает. Они стараются держаться, терпят. Все терпели. Никто из них не признавался в страхе и проявлений трусости никогда не было. В итоге — в батарее 9 человек награжденных.

★ Выписка из служебной характеристики: «За время службы в Афганистане зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Дисциплинирован, смел, решителен. По специальности подготовлен отлично. Сочетает в себе высокую требовательность с постоянной заботой о подчиненных. Достоин выдвижения на вышестоящую должность.

Командир 122 мсп подполковник Ковалев».

Жизнь в горах — особенная, тем более на войне. Там все зависело от того, увидел ты первый разрыв или не увидел. Если ты увидел, то все скорректируешь, все сделаешь, и цель будет поражена.

Практически каждый месяц дней 10 мы участвовали в операциях. Батальоны были разбросаны по разным точкам, к каждому из них была прикреплена батарея. Мы, артиллеристы, обеспечивали прохождение колонн. Правилами стрельбы мы практически не пользовались. Пристрелку целей осуществляли исходя из конкретно складывающейся обстановки. Заранее занимали позицию на выбранном участке, где вероятнее всего колонна могла попасть в засаду, пристреливали реперы и делали все, чтобы колонна прошла без эксцессов. Но противник был, конечно, опытный. Он знал, как действовать, и часто использовал отвлекающий маневр. Например: с одной стороны — горы,

с другой — пологий склон. В горах он ставит миномет, а на пологом склоне располагаются снайперы. Миномет выстреливает — разрыв, наши разворачиваются в его сторону, начинают искать, откуда стреляют, а с противоположной стороны вражеские снайперы спокойно расстреливают тех, кто попадает на линию огня.

Даже на ровной местности в районе Пули-Хумри «душманы» умудрялись устраивать нам ловушки: отрывали окопы с одной стороны дороги, забирались в них, а с противоположной открывали огонь. Сначала мы попадались, но вскоре раскусили эту тактику: если разрыв, выстрелы раздавались справа, то уже знали точно — будут прицельно бить слева. Поэтому контролировали обе стороны.

★ **Выписка из наградного листа:** *«Батарея старшего лейтенанта Полунина В.В. попала в засаду. Будучи раненым, он не вышел из боя, организовал отражение нападения противника. В результате умелых и решительных действий командира батареи банда была уничтожена. Личный состав потерь не имел».*

В засаду попали в ущелье Шадиан. Мы заняли плато, за которым был гребень, высотой метров 50. Расстояние между горами метров 300. «Духи» подобрались с гребня и начали обстреливать. Это было ночью, днем им подойти не позволили бы. Я был командиром батареи, но пришлось действовать на огневой позиции, а не на командно-наблюдательном пункте. Мы развернули орудия и вели стрельбу прямой наводкой по гребню.

Я отдавал команды, жестикулируя руками. В какой-то момент поднял руку, и ладонь тут же прострелила пуля (до сих пор ношу «ее» с собой). Перебинтовал руку, продолжил командовать. И тут прилетела вторая — уже в шею. Очнулся в госпитале, и первое, что услышал: «Да, повезло Вам, товарищ старший лейтенант» — потому что вторая пуля прошла навывлет между основанием черепа и сонной артерией. Я, наверное, сам виноват, что в такой ситуации оказался. Но по-другому поступить не мог — кто должен был командовать, если не я? Меня засекли, и по мне стрелял снайпер.

После этого боя я был представлен к ордену Красного Знамени, но документы где-то затерялись. Видимо, не судьба. Хотя не

это главное. Ни с какой наградой, конечно же, не сравнится жизнь человека. Из моих ребят не погиб никто — вот это я могу считать главной своей заслугой! Трое были ранены, я — четвертый. Но все вернулись домой живыми.

Между боевыми операциями, конечно же, у нас оставалось время и на отдых. В такие моменты каждый старался найти занятия по интересам. Змеи, особенно кобры, равнодушными не оставляли никого. В пустыне было просто изобилие кобр. Они, конечно, опасные, особенно если раздразнишь. С такой змеей шутки плохи — она даже пулю ловит. Стреляешь рядом, не целясь в нее, а она мгновенно реагирует на выстрел, раскрывает свой капюшон и тут же простреленная падает замертво. Вот такая реакция. У меня был земляк, из Воронежской губернии, равнодушный к этим созданиям. Он ловил их, желая приручить. Одну даже удалось поместить в ящик. В нем было отверстие миллиметров пять, так она через него вылезла! Варанов много бегало, но и их приручить тоже не вы-

шло. Видно, неукротимая сущность Афганистана проявлялась даже в этих созданиях. Покорить его так никто и не смог.

«Я жив!» — с этой радостной мыслью я уезжал из Афганистана. Жалко было расставаться с ребятами — с командирами и подчиненными: я уезжал в июле, а они должны были демобилизоваться в октябре. Война, опасность, понимание того, что твоя жизнь зависит и от подчиненного, и от начальника, сильно сближало людей.

Долго после возвращения Афганистан меня не оставлял. То снились песок, горы, кровь, то долгое время преследовал трупный запах. Часто мы заходили в кишлак, а там всюду трупы и запах разлагающихся тел — «духи» убивали мирных жителей без разбора: женщин, детей, стариков. У них была одна идея — если ты не с нами, то ты против нас.

Хоть и говорят, что психика имеет свойство вытеснять в подсознании травмирующие воспоминания, Афганистан забыть не получается ни у меня, ни у моих товарищей. И, очевидно, не получится

Алексей Александрович ПОПКОВ

Родился 28 ноября 1964 года в г. Ленинграде. В 1986 году окончил Ленинградское ВАКУ им. Красного Октября с дипломом с отличием. Первым местом офицерской службы стала в/ч 01381 ЗабВО (г. Кяхта, Бурятская АССР).

В сентябре 1987 года по прямой замене, срочно, направлен для прохождения дальнейшей службы в Республику Афганистан.

В октябре был назначен на должность командира огневого взвода минометной батареи 4-го мотострелкового батальона в/ч 71176 (70-я гвардейская мотострелковая бригада). Бригада располагалась в г. Кандагар.

Батальон назывался «пустынным» из-за места дислокации — от города до пустыни на маршруте Гиришк—Кандагар. Фактически исполнял обязанности командира сторожевой заставы, сначала в трёх километрах от окраины Кандагара, а затем вблизи от съезда с бетонки в пустыню.

Специфика службы заключалась в том, что в течение 10 месяцев 24 часа в сутки находился на передовой. Однообразие будни не баловали. Обеспечение работы саперов и огневое сопровожде-

ние колонн, неоднократные на дню обстрелы: минометный или из стрелкового оружия, снайперский или реактивными снарядами, ДШК или безоткатка. При этом планирование питания (распределение 10-дневного запаса продуктов), ежедневный боевой расчет на дневной и ночной периоды, руководство совершенствованием инженерного обустройства, учет запаса и дозаявка боеприпасов к штатному и приданому вооружению и многое другое из повседневного обеспечения жизнедеятельности заставы. Это не отменяло руководство коллективом в 20 молодых парней с различных республик СССР, которые лишь на два—четыре года младше тебя. Южное расположение этой провинции обуславливали высокие температуры — днем до +70 на солнце, что вносило свои коррективы в жизнь заставы.

Командировка завершилась «увлекательным турне» под названием вывод в августе 1988 года своим ходом по маршруту Кандагар—Гиришк—Шинданд—Герат—Кушка.

В январе 1988 года получил легкое осколочное ранение. За период прохождения службы в РА награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» 3 степени.

После возвращения два года командовал взводом курсантов в ЛенВАКУ, а с августа 1990 года назначен на должность командира роты охраны ВАА. В постоянном составе академии на различных должностях прослужил до 1996 года. Уволился по оргштатным мероприятиям в звании майора.

Продолжил службу в командно-преподавательском составе закрытого учебного заведения МВД. При развертывании и организации казарменного проживания курсантов оченьгодились армейские навыки ведения ротного хозяйства и руководства курсантским подразделением. В 2000 году уволился на пенсию в звании подполковника милиции с должности начальника отделения.

Последние 10 лет работаю в сервисных теплоэнергетических фирмах на различных инженерно-технических и руководящих должностях.

Юрий Валентинович СОКОЛОВ

Родился я 30 августа 1960 года в поселке Промысловка Приморского края в семье военнослужащего. Мой отец, Валентин Валентинович, офицер-ракетчик, служил в войсках противовоздушной обороны и уволился в запас в звании подполковника в 1982 году.

Мать, Александра Трофимовна, всю жизнь работала медицинской сестрой в детских садах.

Я горжусь тем, что я — потомственный военный. Сколько себя помню, всегда мечтал быть офицером. В нашей семье бережно сохраняется память о моем дедушке — герое Великой Отечественной войны. Мой дед, Валентин Иванович, полковник, летчик морской авиации, служил в полку тяжелых бомбардировщиков, которые в августе—сентябре 1941 года бомбили Берлин. Он был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда». Я практически не помню деда, он умер в 1962 году. Но отец написал о нем книгу, очень много мне о нём рассказывал.

В 1962 году наша семья переехала в Ленинград. В 1967 году я пошёл в первый класс и в 1975-м окончил восьмилетнюю школу во Фрунзенском районе. По окончании 8-го класса я поступил в Ленинградское суворовское военное училище. С 1975-го по 1977 год — учеба в Суворовском военном училище. В те годы, честно говоря, жизнь суворовца была нелегкой. За учебой следили строго, а те, кто не успевал, занимались ночами. Пятнадцатилетние мальчишки жили по строгому распорядку, свободного времени почти не оставалось. Зато дружба осталась на всю жизнь.

После окончания Суворовского военного училища я поступил в Сумское высшее военное артиллерийское училище. Как выпускника суворовского училища меня сразу назначили командиром отделения, затем — заместителем командира взвода, тем более что у меня с успеваемостью все было отлично. В Сумском артиллерийском училище у меня не было никаких проблем с учебой, так как в Суворовском училище была заложена великолепная основа. Именно тогда я начал серьезно изучать тактику боя, баллистику, что в конечном итоге привело меня в военный НИИ, где я впоследствии занимался военной наукой.

В 1982 году я как специалист по командно-тактической артиллерии был направлен к первому месту своей службы — в Белорусский военный округ, в тяжёлую гаубичную артиллерийскую бригаду. Через год меня назначают командиром артиллерийской батареи, а в 1984-м по замене командируют в группу советских войск в Венгрии.

В 1986 году я, будучи уже старшим лейтенантом, был направлен для прохождения службы в Демократическую Республику Афганистан.

★ *О годах службы в Афганистане, постоянного участия в боевых действиях лучше всего говорят скупые строки выписки из служебной характеристики: «Капитан Соколов Ю.В. зарекомендовал себя с положительной стороны. Как начальник штаба артиллерийского дивизиона подготовлен хорошо. На боевых действиях по ликвидации бандформирований мятежников умело управляет огнем дивизиона, не боится брать ответственность на себя за*

принятые решения. За мужество и умелое руководство подразделениями при выполнении боевых задач награжден орденом Красной Звезды и медалью "За отвагу"».

За годы службы в ДРА участвовал более чем в 20 войсковых операциях. Горжусь тем, что в подразделениях, которыми я командовал, за все время боевых операций не было потерь.

В 1988 году с должности начальника штаба дивизиона тяжелых самоходных орудий я поступил в Ленинградскую военную артиллерийскую академию им. М.И. Калинина, где проходил обучение по 1991 год. По ее окончании я как офицер, имеющий боевой опыт, был направлен на преподавательскую работу в Ленинградское высшее военное артиллерийское училище. Три года преподавал будущим офицерам тактику артиллерии.

В 1994 году, сдав необходимые вступительные экзамены, я поступил в очную адъюнктуру Михайловской военной артиллерийской академии. По окончании ее получил специальность «Инженер-исследователь» и успешно защитил кандидатскую диссертацию по военным наукам. С 1997 года я продолжал научную деятельность в НИИ боевого применения артиллерии. В 1998 году уволился с военной службы в звании подполковника. В последующем прошёл курс обучения в Инженерно-экономической академии по программе «Финансы и кредит». В феврале 1999 года был избран председателем Общественной организации ветеранов-инвалидов Афганистана и Чечни Калининского района. Наша общественная организация занимается общественно-социальной работой в Калининском районе: помогает ветеранам боевых действий, инвалидам войны.

Александр Петрович ТАРАПОН

Родился 12 января 1953 года в г. Переяслав-Хмельницкий в семье военнослужащего. Отец, Тарапон Петр Львович, участвовал в войне еще в 1939 году с белофиннами. Затем воевал на Ленинградском фронте, защищал Ленинград на Ораниенбаумском плацдарме, известном также как Ораниенбаумский пятачок.

Мне всегда хотелось быть похожим на отца, и это предопределило мою дальнейшую жизнь. С детства я занимался спортом, закалялся, бегал до поздней осени, купался до первого снега, старался учиться хорошо, с удовольствием занимался общественной и комсомольской работой. В общем, готовил себя к «военному делу настоящим образом» и, конечно, с уверенностью могу сейчас сказать, что это в дальнейшем не раз пригодилось в годы моей мирной жизни и боевой службы.

В 1974 году я с отличием окончил Хмельницкое высшее артиллерийское командное училище.

В январе 1980-го, когда я находился в учебном центре 23-й танковой дивизии в городе Овруч, нам пришло сообщение, что со-

ветские войска вошли в Афганистан накануне нового 1980 года и командование Вооруженных сил СССР готовит некоторые части (подразделения) и личный состав (офицеров, прапорщиков, сержантов, солдат) к отправке за границу. Но как всегда все было покрыто тайной, говорить об этом вслух было нельзя.

За три дня сформировали и укомплектовали отдельную реактивную батарею (реабатр) боевых машин (БМ) «Град-1». Батарею, которой я командовал в этот период, дополнительно доукомплектовали еще шестью транспортно-заряжающими машинами (ТЗМ). И в батарее их стало 12. В дальнейшем, при ведении боевых действий такое количество ТЗМ полностью себя оправдало, так как каждая ТЗМ дополнительно везла 54 реактивных снаряда. Укомплектовали реабатр по штату военного времени, в том числе полевой кухней и даже такой мелочью, как иголки с нитками. Выдали и лыжи в придачу, которые, естественно, нам в Афганистане негодились. Отремонтировали неисправную боевую машину с поврежденной консолью, на которой крепился прицел.

8 января первым этапом я отправил всех своих солдат различных специальностей, а сам остался с водителями и командирами БМ на три дня. За это время батарею доукомплектовали еще и лич-

ным составом (наводчиками, орудийными номерами, разведчиками и представителями других родов войск, иногда далекими от артиллерии). Сформировали отдельный эшелон: на платформах — 6 БМ, 12 ТЗМ, три вагона боеприпасов, вагоны для личного состава. На перроне перед отправкой мне выдали синий дипломатический паспорт, где было записано: Тарапон А.П. и с ним 59 человек. А на сержантский и рядовой состав выдали учетно-послужные карточки и сказали, чтобы свой паспорт никому не показывал и не говорил, куда мы направляемся и зачем. Но все и так уже догадывались куда.

Десять суток наш эшелон продвигался на юг, большую часть пути мы ехали в ночное время. По дороге пришлось учить специалистов работе с панорамой, коллиматором, буссолью. С командирами БМ отрабатывать вопросы подачи команд, установки прицела, организации взаимодействия.

По прибытию в г. Кушка (в котором в свое время (1953—1959 гг.) проходил службу и мой отец), разгрузив эшелон, я построил батарею и доложил о готовности к маршу заместителю командира 70 омсбр по технической части подполковнику Чичканю И.В., который прибыл в г. Кушку, чтобы встретить и сопроводить мою батарею к месту дислокации.

И тут началось... В своем кратком напутственном слове подполковник Чичкань И.В. начал рассказывать нам, что нас ждет. По его словам, мы при совершении марша будем видеть горящие машины, возможно, и наши машины попадут в засаду. Смотрю, некоторые мои солдаты от слов подполковника побледнели, зашатались, а он «красиво» продолжает, показывая пули с пулеметов ДШК, винтовок Буре, которые спокойно пробивали броню БТРов. После слов «И вас будут убивать» кое-кому из солдат стало совсем плохо, и я вынужден был обратиться к подполковнику: «...я сам уже испугался, не то, что мои солдаты, — они ведь только в декабре присягу приняли... одного уже нашатырём “отпаивали”. Если можно, то достаточно их “выводить из строя”, мне с ними еще марш совершать...» После этого я получил команду формировать колонну и выдвигаться в сторону границы с Афганистаном и в дальнейшем совершить 750 километровый марш, в район г. Кандагар, в расположение 70-й отдельной гвардейской, Краснознаменной, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого мотострелковой бригады в/ч п/п 71 176. (Кстати в 1985 году за мужество, доблесть и героизм нашу бригаду заслуженно наградили вторым орденом Красного Знамени.)

Тогда я впервые познакомился с будущим командармом 40-й армии Громовым Б.В., который в то время был начальником штаба 108-й мотострелковой дивизии в г. Шинданте. Не помню, почему именно, но скорее всего потому, что моя реактивная батарея представляла грозную силу и основу колонны, он посадил меня к себе в машину, и мы проговорили сравнительно долго. Пока формировалась колонна (так как часть техники шла в г. Шиндант), подполковник Громов Б.В. рассказал много для меня интересного: о том, как накануне ввода войск в Афганистан его вызывал к себе министр обороны маршал Соколов С.Л., как ставил ему задачу совершить ввод дивизии в Афганистан, как он был советником в Норвегии; что надо знать, на что обращать особое внимание здесь, в боевых условиях, с которыми он уже успел столкнуться. Я с большим вниманием его слушал и гордился тем, что подполковник, как с равным, беседует сейчас со мной, старшим лейтенантом, командиром батареи. Многое из того, что он рассказывал, мне пригодилось в скором будущем.

Однажды при совершении марша в районе населенного пункта Даулатабад КАМАЗ с прицепом сполз с дороги в пропасть и задними колесами завис над ней. Во время движения иногда постре-

ливали мелкие группы «душманов». Получив по радиостанции информацию о случившемся, остановив колонну и доложив старшему начальнику о причинах остановки, я отправился к месту происшествия. Чтобы спасти машину и боеприпасы, которые к тому времени имели гриф секретности, я дал команду разгрузить машину, а потом попробовать ее вытащить. Боеприпасы находились в ящиках (укупорке) и были довольно тяжелые. А мы были экипированы по штату военного времени. У меня был автомат Калашникова с магазином и патронами, подсумок с тремя магазинами с патронами, пистолет Макарова с двумя магазинами и патронами, противогаз, саперная лопатка, бинокль, плащ-накидка на ремне (погода была мерзкая: в горах — мороз, снег, на равнине — дождь), шинель.

Выгружать пришлось под обстрелом. При этом было и страшно, и смешно, так как техник батареи прапорщик Невмержицкий Е. в своеобразном украинском стиле поносил водителя, рядового Огира А., мол, если его убьют, пока он выгружает и загружает боеприпасы, то он ему задаст чертей и на том свете... Таких случаев — и курьезных, и смешных, и трагикомических — было немало. Но все эти моменты учили нас воевать и выживать уже в новых условиях, в горах, когда один неосторожный шаг или поворот руля мог при-

вести к гибели расчета, техники, привести к провалу задачи, поставленной перед подразделением.

Выгрузив боеприпасы на дороге, мы вытащили машину, загрузили боеприпасы и продолжили марш.

Особая ответственность ложилась в этой войне на плечи командиров, которые отвечали за жизнь солдат. Сложнее всего было принимать решение, посылая в бой солдата или офицера и не зная, смогут они уцелеть или нет.

При совершении очередного рейда одна из ТЗМ моей батареи подорвалась на mine. Часть снарядов осталась на машине, часть разлетелась вокруг. К счастью, раненых при этом не было. Так как снаряды не должны были попасть в руки «духов» ни при каких условиях, я принял решение собрать их в одном месте и подорвать. При перемещении снаряды могли в любой момент взорваться, поэтому действовать надо было быстро. Я собрал офицеров батареи и сказал, что надо делать. Первым вышел старший офицер батареи ст. лейтенант Первушин Ю., затем остальные. Мы начали осторожно собирать снаряды и потом, обвязав бикфордовым шнуром и подложив взрывчатку, взорвали их. Однако не все боеприпасы взорвались, пришлось снова их собирать. Здесь уже предложили свою помощь и командиры БМ. Я не мог отказать, и мы вместе с ними собрали и уничтожили оставшиеся снаряды. Офицеров и сержантов за этот подвиг я представил к правительственным наградам.

Многое из того, что приходилось выполнять в Афганистане, было в первый раз. И мы, считаю, были на самом деле первыми. Приведу такие примеры.

Совершая рейд в направлении населенного пункта Таринкот, провинции Заболь, а в дальнейшем в «зеленку», Аргандапскую до-

лину, где «душманы», как правило, орудовали большими группами, мы дошли до перевала Пурши. Высота — около 3800 м над уровнем моря. Во время движения по горным дорогам нам иногда приходилось вести стрельбу по противнику, и это при том, что параллельным курсом с нами и выше нас двигалось боевое охранение. Дорога была такова, что 85-мм пушки, которыми был вооружен дивизион, на поворотах расчеты вынуждены были отцеплять от тягача, чтобы тот мог вывернуть самостоятельно, а потом разворачивали в несколько приемов пушку. Затем снова цепляли пушку и двигались до следующего поворота дороги, и так снова, и снова. Напряжение возрастало, когда приходилось отвечать огнем из стрелкового оружия по «душманам», да и высота давала знать о себе. Офицеры шли рядом с солдатами, в машине находился только водитель. И так нам пришлось пройти около 6 км. На спуске, у одной БМ полетел привод переднего ведущего колеса. Чтобы «вписаться» в поворот, водитель вывернул руль так, что произошла поломка. Кое-как удалось оттащить машину в сторону, чтобы не мешала проезду остальных. Наступала ночь, я дал команду выставить охрану из 8 человек во главе с командиром 2-го огневого взвода лейтенантом Витченко С. Сам отправился доложить командиру бригады подполковнику Шатину М.В. о случившемся.

Утром я поставил задачу восстановить БМ, заменив вышедшую из строя деталь, предварительно сняв ее с ТЗМ, которую после перегруза боеприпасов пришлось подорвать. Эта мера была вынужденной, потому что тащить на прицепе ТЗМ не было возможности. А БМ была необходима, так как впереди нас ждали встречи с противником. Я повел колонну дальше.

При этом я хотел бы отметить тот факт, что совершать марши, готовить данные для стрельбы и стрелять довольно длительное время (практически до конца 1980 года) нам пришлось по картам 1:100000, 1:200000. Это значительно затрудняло выполнение задач. Но, тем не менее, мы находили выход из положения.

Командиры батарей, командиры взводов управления вели корректировку огня, ходили на прочесывания совместно с командиром мотострелковой роты и не всегда на БТРах. Ходили пешком, рядом — радист с радиостанцией для связи с огневой позицией, ко-

мандир роты или взвода. В этих условиях решать задачи можно было с наименьшими потерями.

Однажды у д. Махаджири мне пришлось стать корректировщиком огня. Когда в ходе боя «душманы» окружили нас вместе с частью подразделений пехоты, и создалось критическое положение: либо они — нас, либо мы — их, мне в голову пришла единственная мысль — вызвать огонь на себя. Вспомнились и фильмы, где видел, как это было, и книги, в которых читал о таких поступках, и стихотворение «Сын артиллериста», которое очень любил мой отец и в котором описан случай вызова огня на себя. Мысли носились в голове по кругу, надо срочно что-то предпринимать, мгновение казалось вечностью, решение было принято и подумать о том, что может быть потом, не было времени. Мы знали, что будет, если попадем в плен, надо было спасти положение и не допустить гибели солдат и захвата техники. Все закончилось благополучно. Я был представлен к очередной правительственной награде, но она, как часто случалось на всех войнах, в том числе и на этой, «не нашла своего героя».

Весной 1981 года активизировались боевые действия со стороны «душманов». Бригада не выходила из боев, так как прикрывала весь юг, часть востока и запада Афганистана. В один из дней проведения операции по уничтожению противника через наш командный пункт, пытаясь выйти из окружения, прорвалась группа «моджахедов». Мы столкнулись с ними лицом к лицу, пришлось вступить в схватку. Я лично уничтожил двоих. Потом долго не раз вспоминал их лица и думал, чем могла бы закончиться наша «встреча». В пылу этой стычки я продолжал командовать. Убедившись, что остальные «душманы» уничтожены, понял, что мы готовы снова выполнять боевую задачу. Выявлять противника, готовить данные для стрельбы, своевременно открывать и корректировать огонь — снова и снова. Так было практически весь апрель и май.

В один из дней очередного рейда мы попали в засаду. Я, как правило, всегда перемещался с командиром бригады на бронетранспортере. Для более устойчивой связи с ним при выполнении боевых задач комбриг приказал выдвинуться танковой роте капи-

тана Потемкина В.В. вперед на 300—400 метров, прикрыв броней колонну машин. Мы совершали отвлекающий маневр по доставке продуктов питания, оттягивая на себя основные силы противника. Настоящая колонна двигалась по другому маршруту. Я дал команду развернуться сходу, используя складки местности, и доложить о готовности к стрельбе прямой наводкой под прикрытием танков, бронетранспортеров и боевых машин десанта. Командир бригады обратился ко мне со словами: «Стрелять сможем?» Военный человек знает, что в реактивной артиллерии ближе чем 4 км стрелять из систем реактивного залпового огня «Град-1» запрещено. Я, видя перед собой бронетанковую технику и экипажи, ведущие стрельбу из орудий и пулеметов, расположенных на башне, сказал комбригу об этом, но добавил: «Если надо — ГОТОВ». Риск был большой. А ведь стрелять надо, огневая поддержка в бою — это залог успеха и победы. Внутри страх — только бы не попасть по своим. Но в бою решают всегда мгновения. Огонь мы открыли своевременно. Операция прошла удачно. Хотя рейд был тяжелый, наши потери были небольшими — всего три раненых: командир 2-го огневого взвода, старшина батареи и наводчик боевой машины.

После возвращения из рейда всегда проводился строевой смотр. Так было и в этот раз. Когда на установленные дистанции вышли офицеры различных должностей, командир танковой роты капитан Потемкин В.В. стоял правее меня. Подполковник Шатин М.В. сделал несколько шагов и остановился передо мной. Я доложил, что жалоб и заявлений не имею. Глядя на меня, подполковник с улыбкой произнес: «С тобой все понятно. Но вот почему Потемкин до сих пор заикается, не скажешь?» Мы все дружно засмеялись, вспоминая тот бой, когда пришлось стрелять прямой наводкой БМ через голову танкистов. Зрелище было не для слаонервных.

Много воды утекло с тех пор, а командира бригады Шатина М.В. я всегда вспоминаю с глубоким чувством благодарности и уважения. Он был настоящим душой-командиром, заботливым, требовательным, строго спрашивал за потери в бою и жизнь солдата берёт как «зеницу ока».

★ **Выписка из наградного листа:**

«26 апреля 1981 года в ходе боя 6 бандитов при бегстве пытались уйти через наблюдательный пункт. Бандиты были уничтожены, а капитан Тарапон А.П. лично уничтожил двоих. В ходе корректировки ведения огня по опорному пункту противника было уничтожено до 80 бандитов, подавлено 6 огневых точек и сооружений».

5 мая 1981 года у населенного пункта Реги была обнаружена банда до 50 человек. В ходе корректировки и ведения огня на уничтожение бандитов установкой "Град-1" было уничтожено до 40 бандитов, 2 огневые точки, разрушен дом, где находились бандиты. Боевая задача была выполнена».

За выполнение воинского долга в Республике Афганистан я награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3 степени и орденом Красной Звезды.

В 1984 году я окончил Артиллерийскую академию имени М.И. Калинина в г. Ленинграде.

С 1989 по 1994 год преподавал в Михайловской артиллерийской академии на кафедре «Тактика артиллерии».

С 2003 по 2013 год работал в администрации Калининского района, в настоящее время — директор Музея истории подводных сил России им. А.И. Маринеско.

Виктор Яковлевич ЧЕРНИГЕЛЬ

Я родился 6 апреля 1946 года в г. Надворная Ивано-Франковской области Украинской ССР в семье военнослужащего. В 1964 году окончил Сумский машиностроительный техникум по специальности «Техник-технолог литейного производства» и поступил в Сумское артиллерийское командное училище имени М.В. Фрунзе, которое с отличием окончил в 1967 года.

После окончания училища последовательно служил в войсках в должностях: командир взвода управления стартовой батареи; командир артиллерийской батареи; начальник штаба артиллерийского дивизиона; командир артиллерийского дивизиона.

В 1976 году поступил в Военную артиллерийскую академию имени М.И. Калинина и в 1979 году с отличием окончил её.

После окончания академии последовательно служил в войсках на должностях: заместитель командира учебного артиллерийского полка; командир учебного артиллерийского полка; советник командира артиллерийского полка Вооруженных сил Республики Афганистан.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении заданий Правительства, за успехи в служебной и научно-педагогической деятельности награжден орденами: Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных силах» III степени; медалями: «За отвагу при пожаре», «За трудовую доблесть»; орденом Республики Афганистан «Звезда III степени» и другими медалями.

В 2007 году в возрасте 61 года был уволен в запас и оставлен в академии для работы в должности профессора кафедры (гражданский персонал). В этой должности продолжаю работать и в настоящее время. Являюсь член-корреспондентом Академии военных наук и Академии военно-исторических наук. Общий стаж служебной и научно-педагогической деятельности более 50 лет.

★ За время пребывания в служебной командировке в Республике Афганистан (с декабря 1982 по декабрь 1984 гг.) принимал участие более чем в 25 боевых операциях продолжительностью от 10 до 30 дней каждая. В ходе боевых операций приходилось оказывать помощь командованию артиллерийского полка вооруженных сил Республики Афганистан, а также командирам структурных подразделений полка в решении всех возлагаемых на них задач.

Самолет набирал высоту. Глядя в иллюминатор, я наблюдал, как горы становились все ниже и бледнее. Вскоре от них остались лишь изогнутые линии с местами темными пятнами. Рядом сидела жена. Наверное, этот полет для нас был самым дорогим и долгожданным. Мы возвращались в Советский Союз, домой. «Наташа, неужели всё?» — со вздохом сказал я ей, прикрыл глаза и про себя подумал: «Скоро Новый год... Сережка со Светланкой ждут нас дома... Хорошо... Скорей бы к ним!»

Только тогда за последние два года я смог вздохнуть с облегчением, потому что для меня афганская война наконец-то закончилась. Ровно два года назад, день в день, 3 декабря 1982 года, когда вылетал из Москвы в Кабул, я даже не представлял, что такое Аф-

ганистан. Конечно, я готовился к этой командировке, изучал историю и традиции страны, а уж сколько историй мне было рассказано очевидцами, и не сосчитать.

Я понял одно, нужно быть готовым к тому, о чем ты даже не предполагаешь. Особенно, если находишься на территории другой страны со своими обычаями, нравами. В самом начале мне попались хорошие учителя, которые говорили: «Слушай, Виктор Яковлевич, для того чтобы остаться целым и вернуться назад, запомни: интересуйся ими, их жизнью и бытом; не считай их быдлом, считай их людьми, гражданами государства, которое имеет достаточно богатую историю».

Первое, что меня удивило в Афганистане, — это рассказы о том, что меня здесь ждет, чего я должен опасаться. Знающие люди меня учили: нигде не вздумай даже стакан воды выпить — можно серьезно заболеть. Если что-то предлагают съесть, ни в коем случае не ешь. Если проголодался, не вздумай зайти куда-то съесть шашлык, потому что все это чревато определенными заболеваниями.

Что можно делать, а что нельзя, как обращаться с местным населением, в том числе с теми, кому советуешь, — эти «уроки выживания» в чужой стране длились дней 10. Правда, их начало было положено ещё в Москве. В Кабуле я, как говорится, сдал зачет, и меня отправили за тысячу километров на так называемую «точку», в г. Фарах. В нём располагалась мотострелковая (а по афганской организации — мотопехотная) бригада, куда я был назначен советником начальника артиллерии бригады.

Прибыл на «точку», познакомился с офицерским составом. Познакомили меня с бригадой, с коллективом. Мне объяснили, что от меня требуется, и сразу предупредили, что через 4 дня выходим на войсковую операцию. При этом сообщили, что предыдущая операция в этом же районе была неудачной, потому что один из батальонов афганской армии взбунтовался. Пробыл я в этом коллективе два месяца, после чего был переведен советником командира артиллерийского полка, расположенного в г. Кандагар.

Как проводились войсковые операции? Поступают данные разведки о том, что где-то, на определенной территории, скорее всего в кишлаке, находится бандгруппа. Нужно этот кишлак окружить и прочесать. Обнаруженных душманов арестовать и отправить туда, где с ними будут разбираться представители соответствующих органов. Наше дело — обеспечить беспрепятственное выполнение операции. Кишлак окружается, артиллерия разворачивается на огневых позициях. После этого предъявляется ультиматум с предложением выдать душманов. На переговоры с нами выходили, как мы говорили, бабаи — как правило, старики с седыми бородами, уважаемые люди, местные вожди. После беседы с нами они принимали решение и выносили свой вердикт: либо выдадут, либо нет. Если никого выдавать не собирались, кишлак брали штурмом. Тогда начинался настоящий бой.

Операции могли длиться неделю, 10 и более дней. Самые продолжительные, в которых я участвовал, длились месяц. Как правило, с вождями удавалось договориться. Общались мы с ними

через переводчика. Переводчик был парень из Союза. Брал я его с собой редко, так как парнишка у матери был единственным сыном, и я старался его беречь.

Надо сказать, мне легко было найти общий язык с афганцами. Во-первых, командир артиллерийского полка учился у нас в военном училище, 10 месяцев в Одессе. А во-вторых, я прошел их проверку. Проверять меня они начали на второй день после моего прибытия на «точку». Например, они ненавязчиво меня просили: «Товарищ советник, нужно проверить противооткатное устройство, помогите». Я понимал, что это проверка — способен я или нет? Знаю я свое дело или нет? Афганцы народ такой: если они убедились и твердо уверены в том, что ты классный специалист и способен им помочь, то они для тебя сделают все.

Проблемы были на более низком уровне. В Афганистане действовали две основные конкурирующие организации: «Халк» (народ) и «Парчам» (знамя) — двухпартийная система с парчамистом во главе государства. Часто полки состояли наполовину из халкистов

и парчамистов. И моей главной задачей было найти консенсус, а не расширять пропасть между ними, сглаживать углы, объяснять, что нельзя быть разобщенными, что в единстве «ваша сила», что «по сути ведь вы один народ».

Через 8 месяцев моей службы в Афганистане главный военный советник разрешил мне привезти жену. По профессии Наталья была фармацевтом и устроилась на работу в госпиталь. В афганском госпитале специалистов катастрофически не хватало. Некому было не то, что лекарства приготовить, воду подготовить для промывания ран. С просьбой поработать Наталье в госпитале специально к нам пришла делегация афганцев. Написали рапорт в Кабул, и наш главный военный советник дал ей разрешение. Когда жена ехала в ДРА, она даже представить не могла, куда попадет. Приехав, поняла, насколько здесь тяжелые условия, но дороги назад уже не было. Год она отработала в госпитале, а потом сказала: «Всё, больше на работу не пойду. Ноги моей там больше не будет». Такое решение она приняла после того, как афганцы отравили нашего советника, главного хирурга госпиталя, и его жену в день его рождения. (В Афганистане во всех структурах были советники: в медицинских, военных, правительственных и прочих.) Жену неоднократно уговаривали вернуться на работу, но она наотрез отказывалась и была неумолима.

Я убежден, что афганские военные многое знали в своем деле, но не могу дать высокую оценку их профессиональной подготовленности. К примеру, провожу тренировку по стрельбе на полигоне и сталкиваюсь с таким фактом. Пристрелку целей они знают, понимают, а стрельбу на поражение в нашем понимании, когда нужно выложить требуемое количество снарядов для поражения цели, — нет. Начал разбираться, почему. Оказывается, все связано с доставкой снарядов. Они их попросту экономили. Когда я спросил у них, почему так, они отвечают: «Вы знаете, откуда мы боеприпасы возим для полка?» Оказывается, с территории Советского Союза, из Кушки и Тургунди (прямая дорога из Союза на Кабул). Оттуда колоннами возили боеприпасы, и каждый снаряд для них был на вес золота. На вес серебра — каждый ящик, в котором эти снаряды пе-

ревозили. Всё потому, что в Афганистане нет леса, строить что-то нужно, а ящики — это доски, из которых можно что-то соорудить.

Нищета в Афганистане была практически всюду. Правда, для представителей ООН (инженеров), которые строили аэродром в Кандагаре и дорогу до Кандагара и до границы с Пакистаном, возводились шикарные виллы. Таких вилл всего было 10. Каждая из них по нашим меркам — целый дворец: здоровенная кухня, большой холл, бассейн. Но так как строились они для проживания европейцев, а потом их надо было передавать афганцам, то в них обязательно предусматривалось наличие большого холла и четырех комнат. По мусульманским законам каждый правоверный имеет право иметь 4 жены. Мы, советники, жили скромно, в одной комнате с женой (если ей разрешали приехать). Однажды вечером слышу стук в дверь, выхожу. Передо мной стоит простой афганец и по-русски говорит: «Товарищ советник, ты большой брат, а я маленький брат. Неужели ты маленькому брату пожалеешь чуть-чуть света?..» Мне его стало так жалко.

Но моя служба советника не ограничивалась советами и предложениями. Приходилось участвовать непосредственно в боевых действиях, лично стрелять прямой наводкой, уничтожать минометный расчёт в горах. Иногда было необходимо проделывать провалы в заборах, чтобы пехота могла войти на территорию кишлака. Нужно было самому готовить данные для ведения огня с закрытых огневых позиций, потому что я сначала не особенно верил имеющимся. За каждый неудачный огонь, за каждую жертву со стороны мирного населения я нёс личную ответственность. В общем, я делал все то, что положено знать и уметь артиллеристу, начиная с проверки готовности техники и вооружения к выходу на операцию и до умения вести стрельбу. Делал я всё лично, потому что столкнулся с проблемой подготовки техники на первой же операции.

Дело было так. Ставлю задачу на поражение цели. Звучит доклад: «Противооткатные устройства вышли из строя», то есть орудие неспособно стрелять. Разбирался уже потом: были выведены из строя противооткатные устройства, а точнее — снижено давление в накатнике. В противооткатных устройствах есть накатник, в котором должно поддерживаться определенное давление воздуха.

А надо было взять ключ, чуть-чуть им повернуть, закрыть — и всего-то! В таком же положении оказалось и второе орудие. Но задачу я всё-таки выполнил. Когда вернулись, начал разбираться. После того случая при выходе на каждую операцию техническое состояние орудий и приборов я проверял лично, своими руками, никому не доверял.

Еще был интересный случай. Вдоль пакистано-афганской границы пограничные батальоны сопровождали груз. Марш совершили километров 500, навёрное. За три дня поломанной техники набралось много, было принято решение эту технику оставить в одном батальоне, и меня с ними. Выделили мне охрану, артиллерийскую батарею. Остальные пошли вперед, а на обратном пути они должны были нас забрать. В первый же вечер — а район расположения нашего батальона оказался в ущелье — обстрел. Сначала одна мина разорвалась, вторая, третья, и понеслось. Командир полка (афганец) дал команду спрятать меня в БТР, чтобы спасти. «Ты что делаешь?! Потом же тебя накажут! Нужно меры принимать!» — говорю я ему. Пришлось самому стать к орудию системы ДЗО и лично осуществлять поражение огневой точки противника. Пятым снарядом заставил её замолчать. Случаев таких было немало.

Сумерки в Афганистане наступают почти мгновенно. Чуть потемнело и — как обрезало. Именно на этой границе светлого и темного времени, как правило, все и происходило. Душманы за день всё разведывали, намечали, определяли данные, а потом в короткий промежуток времени — огневой налет. А отвечать некуда. Все затихло, заглохло.

Наши городки так часто обстреливали. Мой личный ординарец жил в городке. Для охраны городка таких, как он, сформировали взвод, и они, как правило, находились на территории городка, где жили наши семьи — охраняли их. Дополнительно к этому на территории каждого городка находились средства вспомогательной огневой поддержки. Я по боевому расписанию был командиром миномета. Миномет у меня стоял прямо под окном. Наблюдательный пункт был на крыше дома. Я по сигналу должен был определить, откуда идет обстрел, и вести ответный огонь. Цена ставки — твоя

жизнь или жизнь твоей жены, а иногда и маленьких детей военных, которые жили здесь же.

В мае 1983 года погиб первый советник, командир дивизии. В нашем городке жила его жена с трехлетним ребенком. До его замены оставалось два месяца! У нас там был неписаный закон: остается тебе месяц—два, тебя стараются не брать на операции — свои ты уже отдал. А он решил лично проверить, как выполняются его указания. Взял взвод с собой и пошел вперед, в цепь. Его в кишлаке окружили и из пулемета расстреляли. Конечно, кишлак этот мы раздолбали потом в пух и прах, но человека не вернешь.

За операцию в провинции Урузган я получил орден Красной Звезды. Проводили операцию силами около полутора полков афганской армии. Провинция эта отличалась нестабильным отношением к правительству. Проще говоря, войска придут — назначат правительство. Войска уйдут — правительство сбежит, потому что племя, проживающее на территории этой провинции, крайне отрицательно относилось к правительству в Кабуле. И поэтому там не задерживался ни один начальник. Проходит год. Наступает весна. Мы снова приходим туда. Назначаем нового губернатора. Возвращаемся назад и узнаем — губернатор оттуда сбежал.

Как-то раз мы завозили в эту провинцию очередное правительство. Вошли в ущелье. Впереди — вспаханное поле, посередине перегороженное двухметровым дувалом (забором), за ним сад. Сад в их понимании это выкопанные полутораметровые траншеи, в которых по забитым кольям вверх вилась лоза и торчала на полметра—метр от уровня земли, не больше.

Пехота подошла к дувалу метров на 700—800. Раздалась очередь одна, вторая, потом пулемет заработал, как коса траву стрижет — голову поднять нельзя. Пехота залегла. Советник начальника артиллерии дивизии меня вызвал: «Что хочешь делай, но пехота должна пройти». Я подумал и принял решение: две батареи 122-мм гаубицы поставить на прямую наводку. Объяснить им еще толком не могу — был только первый год моего пребывания там. Это позже я освоил их военную терминологию, стал команды понимать и сам командовать, а на первом году было сложно. Поэтому я шагами отмерил расстояние, определил, где должны стоять орудия:

шесть до дороги и шесть после дороги. Каждое орудие собственно-ручно навел, а потом командиру объясняю:

— Первый прицел по нормализованной шкале ставишь соответствующий расстоянию до забора. Поставил?

— Да.

— На этих установках делаем один выстрел каждым орудием, я посмотрю, как легла серия снарядов. После этого, если все нормально, увеличиваешь установку прицела на одно деление и даешь залп. Еще на одно деление — залп, еще на одно деление — залп, и ты должен прочесать этот виноградник от передней линии до конца. После этого надо вернуться на исходную установку и прочесать еще раз. Кроме того, у тебя есть две боевые машины реактивной артиллерии. Ты ими дашь залп в эту горловину между двумя «высотками». А потом посмотрим.

Так и сделали. Открыли огонь, как я спланировал. Пехота выполнила задачу и взяла сад без единого выстрела. А на следующий день, когда кишлак прочесывали, нашли с десятков раненных осколками душманов.

Живой и здоровый, я один из немногих, кто из ДРА вернулся, не получив ни одной царапины. Первого советника привезли «грузом 200», второй уехал раненным, третий, передо мной, — уехал с «желтухой», а советника, который сменил меня, увезли в госпиталь имени Н.Н. Бурденко через три месяца.

*Война в Афганистане: Советский конвой идёт колонной по афганскому горному серпантину.
 Фотография из личного архива военнослужащего 5-й пдр 350-го гв. пдп Сергея Новикова.*

МЫ УХОДИМ

*Музыка А. Халилова,
 слова И. Морозова*

С покорённых однажды небесных вершин
 По ступеням, обугленным, на землю сходим,
 Сквозь прицельные залпы наветов и лжи
 Мы уходим, уходим, уходим, уходим...

Припев:

*Прощайте, горы, вам видней,
 Кем были мы в краю далёком,
 Пускай не судит однобоко
 Нас кабинетный грамотей.*

2

До свидания, «Афган» — этот призрачный мир,
Не пристало добром вспоминать тебя вроде,
Только что-то грустит боевой командир,
Мы уходим, уходим, уходим, уходим...

Припев:

*Прощайте, горы, вам видней,
В чём наша боль и наша слава.
Чем ты, Великая Держава,
Искупишь слёзы матерей?*

3

Нам вернуться сюда больше не суждено,
Сколько нас полегло в этом долгом походе,
И дела не доделаны полностью, но
Мы уходим, уходим, уходим, уходим...

Припев:

*Прощайте, горы, вам видней,
Какую цену здесь платили,
Врага какого не добились,
Каких оставили друзей.*

4

Друг, спиртовую дозу дели на троих,
Столько нас уцелело в лихом разведываеде,
Третий тост — даже ветер на склонах затих,
Мы уходим, уходим, уходим, уходим...

Припев:

*Прощайте, горы, вам видней,
Что мы имели, что отдали.
Надежды наши и печали,
Как уживутся среди людей?*

Биографии наши в полдюжины строк
Социологи втиснут, сейчас они в моде,
Только разве подвластен науке Восток.
Мы уходим с Востока, уходим, уходим...

Припев:

*Прощайте, горы, вам видней,
Кем были мы в краю далёком,
Пушкой не судит однобоко
Нас кабинетный грамотей.
Прощайте, горы, вам видней,
Какую цену здесь платили,
Врага, какого не добились,
Каких оставили друзей.
Мы уходим с Востока,
Мы уходим с Востока,
Уходим...*

**НЕ ЗАБЫТЬ НАМ
ЭТУ БОЛЬ**

АВАРИЯ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС: ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

26 апреля 2016 года исполняется 30 лет со дня страшной катастрофы на Чернобыльской АЭС. В современном мире чернобыльская катастрофа является крупнейшей в истории атомной энергетики.

26 апреля 1986 года в 01:23 произошел взрыв на четвертом энергоблоке АЭС в Чернобыле. От взрыва на Чернобыльской АЭС погибли два человека, однако после ликвидации огня на станции жертвы не закончились: по итогам первых трёх месяцев от полученного облучения погиб ещё 31 человек.

По своей масштабности авария на Чернобыльской АЭС затронула весь мир. В первые дни после взрывов в четвертом энергоблоке люди в радиусе 30 км от АЭС были вынуждены покинуть свои дома. Огромное количество людей и спецтехники было задействовано в ликвидации последствий взрыва — силы более 600 тысяч человек понадобились, чтобы минимизировать последствия произошедшего. В результате аварии на АЭС образовалось радиоактивное облако, которое выпало в виде осадков по огромной территории Европы, России, Белоруссии и Украины.

Предпосылки

Предпосылки к аварии на Чернобыльской АЭС начались ещё 25 апреля 1986 года, когда без согласования с конструктором блока и научным руководителем был запланирован эксперимент на 4-м энергоблоке ЧАЭС. По одной из версий произошедшего на ЧАЭС ночью 26 апреля участники эксперимента допустили огромное количество нарушений, которые недопустимы при работе со столь опасным объектом.

В частности, персонал 4-го энергоблока хотел осуществить эксперимент «любой ценой», несмотря на то что в реакторе произошли изменения. Все нарушительные действия (их полный перечень не указывается в источниках ввиду отсутствия единогласного мнения экспертов) персонала привели к тому, что энергоблок перешёл в «опасный режим», а технологии, которые могли бы остановить

работу реактора, были отключены. Продолжительный рост мощности реактора привёл к взрыву — в результате этого реакторная установка подверглась значительному разрушению.

В результате взрыва на ЧАЭС произошёл колоссальный выброс радиоактивных веществ, количественный показатель превышал миллионную отметку Ки (радиоактивность вещества, при которой происходит 3,7 радиоактивных распада в 1 секунду), в воздухе оказались 8 из 140 тонн топлива реактора, в атмосферу выбрасывались десятки тысяч Ки в час. Несмотря на масштабность катастрофы, первые дни население и мировое сообщество не знало о произошедшем, а вся информация по масштабу катастрофы и её возможных последствиях хранилась в строжайшей секретности.

Ликвидация аварии на ЧАЭС

Ликвидация аварии на ЧАЭС продолжалась не один год. За это время проводились многочисленные мероприятия по устранению последствий случившегося. Непосредственно сразу после взрыва в ликвидации приняли участие только сотрудники станции — они занимались разбором завалов, отключением оборудования и уstra-

нением огня. Работы проводились в реакторном и машинном залах, а также в других помещениях ЧАЭС.

Первыми ликвидаторами горящего 4-го энергоблока стали около 40 пожарных, 300 киевских сотрудников милиции, а также многочисленные специалисты в области медицины, угледобывающей промышленности (они откачивали заражённую воду во избежание её попадания в Днепровский комплекс), научные специалисты. На правительственном уровне создавались специальные комиссии, штабы в РСФСР, Белорусской и Украинской ССР. Пожаротушение и устранение последствий взрыва осуществлялось задействованными ликвидаторами посменно: когда одна смена получала предельно допустимую дозу радиации, им на смену приезжали другие специалисты.

Основные работы по ликвидации аварии на ЧАЭС были проведены в период с 1986 по 1987 год, по всей территории страны все

неравнодушные могли пополнять «счёт 904», который был открыт во всех функционировавших тогда сберкассах — все деньги шли на помощь ликвидаторам. Согласно данным источников, за тот период было собрано свыше 520 млн рублей, а в сборе средств участвовала также певица Алла Пугачева, которая проводила благотворительный концерт в Москве и сольный концерт в Чернобыле.

Основной задачей ликвидаторов, которые находились в зоне отчуждения, было снижение количественных уровней радиоактивных выбросов. В первые дни и месяцы после взрыва на четвёртом энергоблоке ЧАЭС инженерные войска, шахтёры и прочие специалисты вырывали тоннели под реактором, окапывали дамбы возле реки Припять, откачивали воду из реакторных помещений — всё это делалось с целью пресечь распространение заражённой воды и сплавов, чтобы предотвратить распространение заражения на грунтовые воды и Днепр.

Позднее загоревшийся реактор начали «хоронить», а территорию катастрофы очищать от радиоактивного мусора, выбрасываемого из реактора. Сам реактор был укрыт бетонным «саркофагом», который был построен в ноябре 1986 года.

Чернобыльская катастрофа: последствия

В результате взрыва на чернобыльском реакторе Украина потерпела серьёзные, долговременные последствия. Из-за случившегося было навсегда захоронено множество мелких посёлков и городов — эксперты при помощи тяжёлой техники закопали сотни мелких населённых пунктов. Из-за того, что заражение ввиду взрыва распространилось на близлежащие территории, правительство было вынуждено вывести из сельскохозяйственного оборота свыше 5 млн гектаров земли. В результате этой катастрофы вокруг ЧАЭС образовалась зона отчуждения в радиусе 30 км.

Распространившаяся далеко от ЧАЭС радиация поразила, в частности, Ленинградскую область, Чувашию и Мордовию — в этих местностях, как и в Белоруссии и европейских государствах, она выпала в виде осадков.

Источник: 24smi.org

Александр Николаевич БОГУТО

Об аварии на Чернобыльской АЭС я узнал в апреле по радио и телевидению. Тогда даже и не подумал, что меня это коснется. Однако 4 сентября приехали из военкомата и забрали меня прямо из дома.

Жил я тогда во Всеволожске. Пришел с работы около шести часов вечера. В дверь раздался звонок — получите повестку из военкомата. В ней было указано: «Прибыть на сборы», и больше никаких подробностей.

Я расписался, хотел было закрыть дверь, но вижу, человек стоит, не уходит. Говорю: «Что еще надо?», а он отвечает: «Собирайся». Я ему:

- Прямо сейчас?
- Да. Прямо сейчас.
- Куда направят?
- Не знаю.

Мы приехали во всеволожский военкомат. Там мне сказали, куда и зачем меня забирают. Отсюда началась моя дорога в Чернобыль. По пути меня завезли домой, чтобы я взял необходимые вещи, и мы поехали дальше.

Как мне объяснили в военкомате, выбор отправить на ликвидацию последствий чернобыльской аварии пал на меня, потому что в армии я служил в танковых войсках и в общих чертах знал о проникающей радиации и радиоактивном заражении местности. Я понимал, что моя поездка может быть опасной, но другого выбора у меня, можно сказать, не было. В военкомате сказали: «Рано или поздно все равно туда отправим». Я подумал, что лучше раньше, чем жить в ожидании, но все равно уезжал с тяжелым чувством, так как жена оставалась с детьми одна (дочери было 6 лет, сыну — 8) и очень переживала за меня.

К 11 ночи из Всеволожска мы прибыли в воинскую часть г. Колпино. Там таким же, как я, выдали обмундирование. Утром нас подняли, построили и повезли на аэродром в Белую Церковь и оттуда уже в лагерь.

Когда мы шли к машине, встретили группу ликвидаторов, которые уже возвращались домой. Естественно, мимоходом мы стали интересоваться: «Ну, как там, мужики?» Улыбаясь, они нам отвечали: «Все нормально, ребята, ничего страшного». Нас это немного успокаивало, но волнение окончательно не ушло. Несмотря на то, что мы еще не приступили к своим прямым обязанностям, в голове у нас, как и у тех, кто уезжал, была одна мысль, — скорей бы вернуться домой.

Лагерь наш располагался в поле за деревней в палаточном городке, в 30 км от Чернобыля. В каждой палатке, как правило, проживало около 40 человек. Я был назначен старшиной роты химической разведки. К участию в ликвидации аварии мы относились как к военным сборам. Всё было как в армии: и наряды, и готовили сами, и территорию убирали. Ждали писем из дома, сами писали родным. Звонили домой по телефону из Термяковки, в свободное время смотрели телевизор. Особенно любили новости — интересно было, как преподносят всё, что связано с Чернобылем. Каждый день нам показывали кино, приезжали артисты с концертами. Так нас старались отвлекать от грустных мыслей. На питание жаловаться тоже не приходилось. Местные жители говорили, что за всю жизнь не видели столько мяса, сколько было у нас. Мясо и соки всегда были в нашем рационе, чтобы вывести радиацию.

Влияния полученной дозы радиоактивного облучения ни я, ни мои товарищи на себе тогда никак не ощущали. О том, как это отразится на нашем здоровье — даже не задумывались. Тем более, что из деревни никто из местных не хотел уезжать, считалось, что она находится в безопасной зоне.

На чернобыльской станции мы чистили блоки. Я ездил туда 22 раза. Работали мы обычно после завтрака. На смену нас привозили на разных машинах: подъехав за 10—15 км к Чернобылю, пересаживали на другую машину и везли на станцию. Приезжали за нами уже совершенно другие машины. Во время работ на станции мы ходили в марлевых повязках.

Работали немного, всего-навсего по 3—4 минуты. Но и этого времени достаточно, чтобы радиация оказала влияние на организм и здоровье. Поэтому делали мы все быстро: приедем, пару плит зацепим, уберем зараженный грунт и сразу возвращаемся. А нам на смену уже прибывала следующая группа. Но иногда, там, где опасности не было, на работу тратили больше времени — до 20 минут. Например, когда чистили «ракушечник».

Работали мы в обыкновенной солдатской форме. О том, что одежда впитывала в себя радиоактивные вещества, мы даже не задумывались. Носили её, ни о чем не беспокоясь. В чем мы уехали из Ленинграда, в том обратно и вернулись. В баню, конечно, ходили, нижнее белье меняли регулярно, а верхнюю одежду поменяли один раз.

Перед выходом на смену нам выдавали дозиметры. После возвращения с выезда на станцию дозиметры у нас собирали, проверяли их показатели и перед очередным выездом выдавали снова.

Обычно для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС из запаса призывали на 180 суток, но многое зависело от полученной дозы облучения. Кто допустимую дозу — 20—22 рентгена — набирал, тот уезжал. Я получил чуть больше — 22,5 рентгена. Нас задержали, чтобы построить зимний лагерь для следующей смены: из-под Ленинграда привозили щитовые домики, а мы их собирали. Иногда под большой солдатский шатер устанавливали панели.

Помню, как проезжали мимо Припяти. Было ощущение, как будто попали в параллельный мир. Город произвел на нас удручаю-

щее впечатление. Всё было непривычно: машины брошены, улицы безлюдны, дома опустели. Сам по себе город был красивый, но мертвый. Всех людей вывезли. Технику, которая использовалась на станции, закапывали в землю, так как она сама становилась источником излучения. Лес стоял с желтой, как после засухи, листвой и хвоей.

К ноябрьским праздникам произошло долгожданное событие — нас отпустили домой. Мы приехали на аэродром в Белую Церковь, но самолета не было. И будет он или нет — никто не знал. Нам сказали: «Хотите — ждите, не хотите — не ждите. Будет, не будет — неизвестно». Мы подождали какое-то время, но вскоре поняли, что всё без толку, и поехали на электричке в Киев. Там на вокзале мы обратились к военному коменданту. Он распорядился посадить нашу команду в общий вагон, и мы наконец-то отправились домой. Ехали мы две ночи, а 6 ноября я был уже на Витебском вокзале. А в голове только одно: скорее домой-домой-домой!

По прибытию в Ленинград нас всех специальным аппаратом проверили «на радиацию» в поликлинике на Дегтярной улице. Сказали, что все в норме.

Но годы идут, и время берет свое, и здоровье, конечно, оставляет желать лучшего. Каждый год я, как и другие ликвидаторы, прохожу специальное обследование. Как участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС к 300-летию Санкт-Петербурга награжден орденом Мужества.

Многие из моих друзей, с кем я был на той операции, уже ушли из жизни. Я с ними раньше перезванивался, а теперь их нет... Резко всё происходит: у кого-то ноги отказывают, кому-то операцию делают. Бывает, позвонишь кому-то, а его уже нет в живых.

Александр Иванович ЕВДОКИМОВ

Я, Евдокимов Александр Иванович, 1951 года рождения, сын военнослужащего, фронтовика. После окончания средней школы пошел по стопам отца — связал жизнь с Вооруженными силами. В 1974 году окончил Высшее военное учебное заведение по специальности военного инженера химических войск (ХВ). Начинал службу на испытательном полигоне ХВ, далее проходил службу в войсках, в 1988 году окончил адъюнктуру, преподавал и закончил службу в должности начальника службы радиационной, химической и биологической защиты Михайловской военной артиллерийской академии. За выполнение задания на Чернобыльской АЭС награжден орденом Мужества.

Служба на полигоне химических войск в должности инженера-испытателя была чем-то похожа на работу летчика-испытателя. Тот же риск при испытаниях в присутствии опасных веществ, та же романтика, если остался невредим. Цена ошибки при подготовке и проведении эксперимента была достаточно высока. Поэтому ошибок старались не допускать. Помимо опасных веществ, приходилось

испытывать воздействия на вооружение и средства защиты различных агрессивных веществ, которые при моделировании их розлива образовывали красиво дымящиеся лужи, а в атмосфере очень большие концентрации. На полигоне на практике отрабатывались методы, способы и средства, которые обеспечивали безопасность личного состава и высокую готовность к выполнению боевых задач в этих опасных условиях в виде руководств, справочников, наставлений и других нормативных документов. Именно здесь на полигоне пришло убеждение в надежности и безотказности наших отечественных средств защиты от воздействия опасных и агрессивных веществ.

Как бы успешно ни проходила служба на полигоне, пришло время повышать квалификацию в Военной академии химической защиты. Вспоминаются интенсивные занятия по высшей математике, программированию, физике, специальным разделам химии, военному делу и другим важным предметам. Чтобы их изучить, приходилось ежедневно заниматься, на самоподготовку уходило до 19—20 часов. Занятия в аудиториях постоянно перемежались интенсивными занятиями по физической и строевой подготовке. Запомнились, в частности, интенсивные тренировки по строевой подготовке к параду на Красной площади, которые проводились поэтапно. Сначала на плацу академии. Затем предварительные тренировки на взлетной полосе аэродрома в районе метро «Динамо» на Ленинградском проспекте. И заключительные тренировки, там же на аэродроме, на макете Красной площади под руководством командующего парадом, а перед генеральной ночной тренировкой на Красной площади — под руководством министра обороны. За время подготовки к парадом разбивалась о мостовую и изнашивалась до основания не одна пара сапог. Поэтому к каждому параду заранее снималась мерка и шились новые сапоги. До сих пор храню и надеваю на мундир по праздникам памятный знак «105 парад на Красной площади». За время обучения в академии слушатели получали всестороннюю подготовку к службе в войсках.

Служба в Центральной группе войск, куда я был направлен после окончания академии командиром части, оказалась во всех отношениях образцово-показательной. Войска развернуты, укомплек-

тованы и их основная задача — боевая подготовка и высокая боевая готовность. Это тот самый идеальный вариант военной службы — как должно быть. Степень готовности войск в группах войск в 70-х годах прошлого века была высочайшей. Выучка войск позволяла сохранять военный паритет между странами Варшавского договора и НАТО без всякого преувеличения.

В 1985 году поступил в адъюнктуру МВАА, где в дальнейшем преподавал и закончил службу.

Санкт-Петербург, и в частности, Калининский район города, где расположена МВАА, можно без преувеличения назвать кузницей артиллерийских кадров ВС на протяжении нескольких веков и по настоящее время. Здесь работали, служили, учились, преподавали выдающиеся представители этого славного рода войск, в том числе представители химической службы. Начальниками кафедры ЗОМП, далее кафедры РХБ защиты, в мою бытность пребывали Брагинский Р.Б., Савчук О.Н., Пирожков М.Н., Коритчук В.В., а начальниками службы РХБ защиты — Жарков Е.А., которого сменил я и, в настоящее время, Скалозубов С.А.

Представители академии всегда активно участвовали во всех значимых событиях военного значения — в Афганистане, в Чечне, Южной Осетии и других военных конфликтах.

В 1987 году, к примеру, и мне, адъюнкту академии, довелось участвовать в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Был командирован от Ленинградского военного округа для осуществления общего руководства работами на ЧАЭС и контроля за их выполнением. Военнослужащие от ЛенВО выполняли работы по ликвидации последствий как в пределах 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС, так и непосредственно на самой ЧАЭС. Вспоминаются, в частности, работы по креплению листового свинца на стенах помещений 3-го блока АЭС, которые непосредственно примыкали через эти стены к 4-му, взорвавшемуся блоку АЭС. Эта свинцовая защита возводилась с целью обеспечения радиационной безопасности работы будущему персоналу 3-го блока АЭС. То есть так называемый «Саркофаг» над разрушенным 4-м блоком станции возводился не только снаружи, но и изнутри, со стороны 3-го блока, в том числе военнослужащими ЛенВО.

На снимке я и представили ОГОЗ (оперативной группы особой зоны) на фоне «Саркофага». Чтобы объект полностью попал на снимок, пришлось отъехать на расстояние не менее километра.

Нам, «ликвидаторам» от ЛенВО, несмотря на всю сложность и радиационную опасность работ, удалось выполнить на объекте все плановые задания правительства в установленные сроки. И в том, что в сентябре 1987года, был вновь запущен в работу 3-й блок ЧАЭС, была и наша заслуга.

Другие работы были связаны с очисткой прилегающих к станции территорий. Можно привести пример очистки территории от так называемого «Рыжего леса». В момент аварии по направлению распространения смертоносного радиоактивного облака и на удалении от разрушенного реактора примерно 1 км хвойного леса погиб. Засохшая хвоя имела характерный рыжий цвет, поэтому лес назвали «рыжий». На втором снимке наша группа сфотографирована на фоне безжизненного г. Припять, а прямо перед нами с правой стороны дороги и находился «Рыжий лес».

На снимке видно, что дорога мокрая. Это тоже одна из каждодневных задач, которую выполняли «ликвидаторы». Чтобы радиоактивная пыль не поднималась от проезжающих машин в воздух, проводилось пылеподавление поливкой водой или специальным латексом самой дороги и в каждую сторону до 10–20 метров.

Что же касается «Рыжего леса», то весь радиоактивный лес был выкорчеван и захоронен силами ликвидаторов ЛенВО в так называемые могильники для радиоактивных отходов.

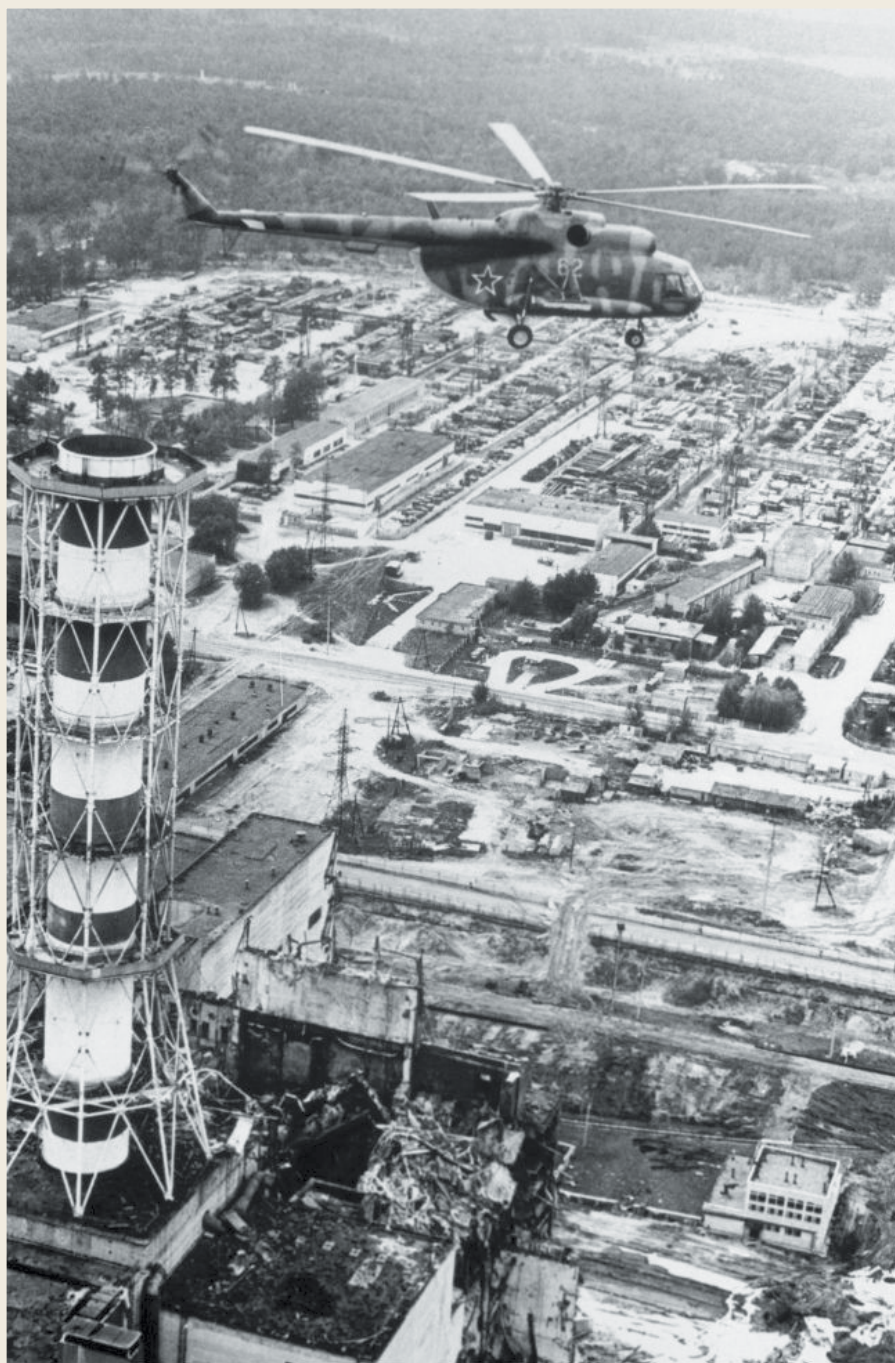
Большинство «ликвидаторов» с честью и достоинством выполняли поставленные задачи, проявили смелость, настойчивость, профессионализм и устранили огромную опасность распространения радиоактивного заражения по стране и Европе.

Альберт Рубенович МКРТУМЯН

Родился в 1931 году в г. Баку. Окончил Бакинский энерготехнический техникум, затем был направлен на Львовскую ОРГРЭС на должность техника. Вскоре стал старшим техником по наладке теплоэнергетического оборудования. В 1958 году поступил на работу в трест «Кавказэнергомонтаж». В последующие годы как специалист высокой квалификации трудился на энергетических стройках Армении, Азербайджана, Украины, Туркмении, России и Югославии. Ветеран труда.

Слово «Чернобыль» мне хотелось бы забыть навсегда. Но есть две причины, заставляющие помнить о трагедии. Во-первых, если мы забудем о Чернобыле, это может привести к более серьезным техногенным и экологическим катастрофам в будущем. Во-вторых, катастрофа по сей день заставляет страдать миллионы людей. То, что мы получили в наследство от Чернобыля, останется с нами, нашими потомками и грядущими поколениями. Чернобыль для всех стал уроком.

В феврале 1986 году на Волгоградской АЭС была организована комиссия по набору специалистов для монтажа оборудования Чернобыльской АЭС в составе 12 человек. Нас экзаменовали, используя стандартный опросник из 10 вопросов. Признаться, особенно желая ехать в командировку на Украину я не испытывал, но так получилось, что дал правильные ответы на все вопросы и был назначен начальником Припятского монтажного участка треста «Кавказэнергомонтаж». Мы монтировали все оборудование, кроме самих реакторов.

Я приехал на ЧАЭС в начале марта 1986 года. Занимался организацией работы на участке, подбором персонала. Нашему участку поручили монтаж хранилища жидких и твердых отходов. Хранилище должно было состоять из двенадцати емкостей из нержавеющей стали объемом по сто кубических метров, вмонтированных в железобетонные ячейки. Работы мы вели на новых участках 5 и 6, которые должны были вводиться в эксплуатацию в четвертом квартале 1986 года.

26 апреля 1986 года в 1 час 23 минуты 58 секунд в реакторе 4-го блока произошел взрыв и пожар. Я в это время находился в гостинице «Полесье» в Припяти, в которой разместили специалистов нашего треста. В начале третьего нас разбудили и сообщили о том, что произошла авария и два человека погибли. До утра мы бездействовали, а в семь часов получили команду организовать отгрузку песка для засыпки кровли 3-го блока и шахты реактора 4-го блока. Засыпку должны были осуществлять вертолетчики, которые полетели только к 10 утра.

Как мы узнали позже, первыми в зоне аварии оказались две команды из 27 пожарных. Бороться с огнем им пришлось на большой высоте: от 27 до 71,5 метров. В общей же сложности в подавлении пожара участвовали 69 огнеборцев и 19 единиц специальной техники. Многие из этих героев погибли во время пожара, другие скончались от острой лучевой болезни.

Я получил указания о подготовке рабочих для оказания помощи по ликвидации последствий аварии и срочно вылетел в Баку для согласования мер, связанных с эвакуацией людей из Припяти, где проживало около 49 тысяч человек. 28 апреля в тресте управления

«Кавказэнергомонтаж» я доложил обстановку на участке управляющему треста В.М. Чурбанову. Срочно был вызван работник КГБ, и с меня взяли слово, что я ничего не буду разглашать о произошедшем на АЭС. Повторно я общался с представителями органов 29 апреля. Оставили меня в покое лишь после того, как в средствах массовой информации сообщили об аварии. Работников моего участка эвакуировали из Припяти в Баку лишь 30 апреля. Все это время люди находились в зоне поражения.

Главврач санчасти Припять принял самостоятельное решение о раздаче всем детям города порошков и таблеток йодистого калия. Днем 26 апреля он ходил по квартирам и раздавал таблетки.

К сожалению, генеральный секретарь КПСС занимался подготовкой помпезной майской демонстрации в Киеве, и в Чернобыль так и не приехал. Основной задачей было скрыть от советского народа, да и всего мира масштабы произошедшей трагедии. Вся ответственность за ликвидацию последствий аварии была возложена на одного человека — Председателя Совета Министров Николая Ивановича Рыжков. Несмотря на то, что первые, самые драгоценные часы после аварии были потеряны, он сумел четко и грамотно организовать работы на ЧАЭС. Вот, как он вспоминал тот злополучный день: «В субботу рано утром собирался пойти на работу, и вдруг телефонный звонок:

— Мосторец А.И. Извините за беспокойство. Кажется на ЧАЭС авария. Подробностей не знаю...

— Через 30 минут буду в кабинете. Выяснить и доложить, что там.

...В 16 часов 26 апреля из Внуково в Киев ушел спецрейс. Комиссия начала работу около восьми часов вечера. ...Комиссия обнаружила деморализованное руководство станции, и все управление взяло на себя».

29 апреля была образована Оперативная группа Политбюро.

Зона опасного радиоактивного поражения, откуда надо было эвакуировать население, была обозначена на крупномасштабной карте и по иронии судьбы формой напоминала кляксу. На заседании Оперативной группы все ждали решения Н.И. Рыжкова. Ошибаться было нельзя.

— Эвакуировать людей будем из 30-километровой зоны, — сказал Н.И. Рыжков.

— Из всей? — переспросил кто-то.

— Из всей, — подвел черту Рыжков. — И начать немедленно.

Когда спустя несколько часов мы возвращались в Киев, на встречу нам шли сотни пустых автобусов, которые должны были обезлюдить 186 населенных пунктов.

Благодаря грамотному руководству Н.И. Рыжкова и самоотверженности людей удалось за 9 дней закрыть реактор 4-го блока и устранить пожар на кровле реактора 3-го блока. Честно говоря, мы все, непосредственные свидетели трагедии, были уверены, что взрыв реактора 3-го блока неминуем.

Олег Дмитриевич МУЛЯВА

Родился в г. Кобрин Брестской области в Белоруссии. В 1979 году окончил Могилевский машиностроительный институт по специальности «Инженер-механик», в 1983 году (экстерном) Донецкое военно-политическое училище инженерных войск и войск связи, в 1991 году Военно-политическую академию по специальности «Социология».

Проходил службу в должности командира артиллерийской батареи, заместителя командира отдельного ракетного дивизиона ОТР, слушателя ВПА, психолога отдела по работе с личным составом соединения, преподавателя Центральных артиллерийских офицерских курсов, начальника кафедры Михайловской военной артиллерийской академии.

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, за что был награжден орденом Мужества и медалью «За отличие в воинской службе» I-й степени, «Знаком отличия ликвидатора».

В настоящее время полковник запаса, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии.

После чернобыльской аварии, произошедшей 26 апреля 1986 года, огромная территория Украины, Белоруссии и России оказалась зараженной радионуклидами. С ветром и пылью они переносились на относительно чистые участки, расширяя зону радиоактивного заражения. Кроме того, все еще продолжались выбросы радиации в атмосферу из разрушенного взрывом 4-го энергоблока атомной станции. Необходимо было срочно провести комплекс мероприятий по недопущению распространения заражения. С этой целью велось строительство саркофага над реактором и производились обеззараживание и зачистка территории вокруг станции.

В артиллерийский полк, где я тогда служил, в конце июня 1986 года пришел приказ — отправить офицера на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС. Выбор пал на меня, двадцатидевятилетнего капитана. Приказом я был назначен на должность командира автомобильной роты, дислоцированной в селе Ораное, находящегося в 30-километровой зоне вокруг ЧАЭС. Сутки были даны на сборы, передачу должностных обязанностей, решение личных вопросов (командировка могла продлиться от 2 до 6 месяцев), и я отправился в неизвестность.

В то время, несмотря на так называемую горбачевскую перестройку и гласность, негативная информация в СМИ замалчивалась, чтобы не будоражить общественное мнение. На пресс-конференции 6 мая в Москве официально заявлялось, что радиоактивность в районе аварийного блока ЧАЭС несколько выше безопасного радиационного фона. Это заявление оправдывалось впоследствии стремлением предотвращения паники, нежеланием выносить информацию на обсуждение международного сообщества.

Мало кто знал, что произошло на самом деле, каковы масштабы и опасность катастрофы, поэтому ползли слухи, придумывались небывлицы. Недостаток информации привел к тому, что в течение недели после катастрофы только Киев покинули более 1 млн человек. Руководители местных и союзных органов власти тянули с эвакуацией и отселением, принятием срочных мер, что впоследствии привело к неоправданным потерям. На зараженных территориях даже первомайские демонстрации не были отменены.

В памяти еще живы воспоминания об этом периоде.

Первое и, пожалуй, самое сильное переживание — это приезд в зону отчуждения (огороженная колючей проволокой тридцатикилометровая зона вокруг станции). Нас, несколько офицеров из разных частей Киевского военного округа, везли туда на автобусе.

Притормаживаем у КПП. Вся техника, выезжающая из зоны, подвергается дозиметрическому контролю. Не прошедшую дозиметрический контроль («звенящую») немедленно отправляют на дезактивацию и мойку. Цикл мог повторяться несколько раз, но если не было положительного результата — заворачивали обратно.

Справа и слева от дороги расположены военные городки «ликвидаторов», вытянувшиеся в бесконечные длинные ряды однотипных палаток: прямые дорожки, на въезде — полосатые шлагбаумы, доски документации, наглядная агитация, флажки. Обочины асфальтированной дороги, по которой мы движемся, сплошь залиты светлым латексом (клеем) для предотвращения появления пыли. Само дорожное полотно влажное, только что вымыто поливочной машиной. Сверкают на солнце лужицы на асфальте, превращаясь в радужные брызги под колесами автобуса. Кругом стоят неубранные поля пшеницы, кукурузы, яблоневые сады с неестественно крупными яблоками.

Въезжаем в деревню. Жителей не видно. После аварии они покинули этот район, взяв с собой только документы, деньги и ценности. Все имущество, домашние животные оставлены без присмотра. Представил, как людям было тяжело бросать все нажитое навсегда. Многие родились и выросли здесь, завели семьи, строили планы на будущее.

Перед глазами мелькают опустевшие дома, заброшенные огороды, поросшие сорняком. Кажется, весь воздух пронизан кричащей тоской и безысходностью. Под колеса бросается стайка кур, спасающаяся бегством от лающей собаки. На картофельной грядке одинокая свинья ищет пропитание. Увидев нас, прекратила рыть и села по-собачьи. На веревке — кем-то оставленное постельное белье, на подоконниках — засохшие в горшках цветы, как бы моля о помощи, опустили осыпающиеся соцветия в низком поклоне. Изредка появляются люди — женщина с ведром, медленно идущая

вдоль поленницы дров к колодцу, дед, сидящий на лавочке под вишней с сигаркой.

Остались единицы, только те, кто не захотел покидать насиженных мест, как правило, старики. Возможно, им некуда было ехать или просто тяжело менять сложившийся уклад жизни: дом, хозяйство, воспоминания, могилы родных и друзей.

Из официальной справки (середина мая 1986 г.): «эвакуировано из зоны более 90 тыс. чел., потеряно 48 тыс. гектаров земельных угодий; выведено из строя 14 промышленных предприятий, 15 строительных организаций; потеряно 900 тыс. кв. м жилья, 10 400 частных домов». Скупые строки сухой статистики, а сколько за ними горя, слез, поломанных и искалеченных судеб.

Ближе к Чернобылю ощущается металлический привкус во рту и першение в горле. Возможно, это психологическая реакция на радиацию, ведь она не должна ощущаться. Птиц почти не видно, но было гнездо аиста с птенцами на столбе, на котором на уровне человеческого роста прибита табличка с надписью: «Осторожно! Заражено! Высокий уровень радиации!». Жаль, что птица не может прочесть.

Затор. Останавливаемся. Черный едкий дым. На перекрестке столкнулись БТР с бензовозом, и обе машины горят. Вроде обошлось без человеческих жертв, а железа здесь никому не жаль — спишут. Бульдозерист опускает отвал и лихо сталкивает горящее железо в кювет — путь свободен и движение продолжается. Вокруг станции сосновый лес, превратившийся в сухостой. Печально знаменитый «рыжий лес». Каждый «ликвидатор» знает о нем. В водоеме около станции огромные косяки рыб сбились в шевелящуюся массу. Рыбы беззвучно открывают рты и заглатывают воздух, как будто пытаются нас о чем-то предупредить. Их здесь много, но ловить и есть их нельзя — они радиоактивны.

В десятках «могильников» покоятся тысячи единиц разнообразной спецтехники: тягачей, самосвалов, бульдозеров, кранов, БТРов, автобусов, легковушек, машин скорой помощи и пр. Эта техника выполнила свою миссию в первые дни после аварии, радиация проникла внутрь металла и, теперь они сами источают смертельные лучи.

Припять — город-призрак — безжизненно смотрит глазницами темных окон. Все население, 49 тыс. человек, было эвакуировано за три часа на автобусах и в специальных эшелонах. Каждую семью необходимо было расселить на новом месте, обеспечить жильем, работой, питанием на первое время. Трагедия с быстрым переселением такого большого количества людей потрясла мир. И нам следует помнить об этом всегда.

На атомной станции в условиях радиоактивного заражения и днем и ночью полным ходом идет работа. Быстрыми темпами строят саркофаг. В небе, сменяя друг друга, вертолеты распыляют состав для дезактивации как самой станции, так и территории, зараженной в результате выбросов радиоактивных веществ в атмосферу. Колонны грузовиков подвозят строительные материалы, различное оборудование. Всюду копошатся люди в респираторах, каждый выполняет только ему известную задачу, а вместе делают одно дело. Техника используется просто фантастическая. Вот импортная установка с фрезой врезается в грунт и прорывает узкую

траншею глубиной 40 метров, в которую заливают бетон для предотвращения заражения грунтовых вод. Стрела купленного в Германии телескопического крана взмывает на 100 метров и поднимает груз 400–600 тонн! Да, на ликвидацию последствий аварии средств не жалели!

Катастрофа произошла из-за преступно-халатного отношения к своим обязанностям работников станции, которые, проводя эксперимент, самостоятельно отключили все системы защиты, что строго запрещено инструкциями. В результате произошел тепловой взрыв, разрушивший реактор.

Вот резюме Правительственной комиссии: «...первопричиной аварии явилось крайне маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации, допущенных персоналом энергоблока». Это говорит о том, что главная причина аварии лежит в той сфере, которая сегодня очерчивается понятием «человеческий фактор».

В результате в атмосферу было мгновенно выброшено до 50 тонн испарившегося радиоактивного топлива реактора (образно — это

10 «хиросимских бомб»), создавшего колоссальный атмосферный резервуар взвешенных в воздухе, долгоживущих радионуклидов; около 70 тонн твердого радиоактивного топлива и 700 тонн радиоактивного графита было разбросано в районе аварийного блока на поверхности земли. Радиоактивность на местности составила от 1000 до 20000 Р/ч. Все это создало реальную угрозу для жизни и здоровья тысяч и тысяч людей.

Были примеры необдуманных решений. А вот пример непростительной, в условиях ликвидации последствий аварии, глупости. В канун Дня Победы 9 Мая был водружен красный флаг над станцией. Люди, выполнившие это, были обречены, а те, кто отдал такой приказ, чтобы выслужиться, на мой взгляд, — преступники.

Обломки графита и радиоактивного топлива вокруг станции надо было убирать, и как можно скорее. В дело шли листы свинца, которыми буквально укутывали трактора, бульдозеры, но управляли техникой люди, подвергавшиеся радиации. Имелись места, куда техника пройти не могла. Например, для работ на крыше энергоблока давалось несколько десятков секунд. Что можно было сделать за это время, когда движения и ходьба скованы спецодеждой и свинцовым фартуком, камнем висят на ногах тяжелые сапоги, смутно видны очертания предметов сквозь запотевшие мотоциклетные очки, дыхание затрудняет забитый пылью респиратор.

Солдаты, призванные из запаса (солдат срочной службы на такие работы не допускали), понимали, что от мощного излучения их никакая так называемая защита не спасет, но все равно шли с лопатами, с носилками, ведрами, руками относили обломки радиоактивного графита к контейнерам. Работали посменно, сменяя друг друга, набирая дозу за дозой, но выполняли приказ.

Общие результаты облучения личного состава занижались из-за некачественных индивидуальных дозиметров, а порой их полного отсутствия и плохого учета. Существовала и практика искусственного занижения ежедневных доз. Главное доложить «наверх», что облучения сверх норматива (25 рентген) не допущено, иначе надо проводить ротацию личного состава из зоны гораздо чаще, а за это по головке не погладят. К примеру, гражданскому крановщику, который разгружал плиты, привезенные нашей авторотой, за 1 час

совместной работы с нами в карточку доз записывали 1 рентген, столько же и личному составу автороты за восьмичасовой рабочий день на той же территории. Все это не могло не сказаться на здоровье «ликвидаторов». Многие впоследствии получили различные серьезные заболевания, связанные с радиационным воздействием, стали инвалидами, раньше срока ушли из жизни.

Техника шла потоком со всей страны. «Ликвидаторы» снабжались всеми видами довольствия. Питание — только качественное, калорийное, включающее фрукты, овощи, витамины, соки, минеральную воду. Обязательная ежедневная помывка личного состава с полной заменой белья. Выдавалось все новое со склада. Для моральной поддержки приезжали эстрадные коллективы и исполнители с концертами.

Наш автомобильный батальон базировался вблизи села Ораное в обычном полевой лагере, каких здесь было десятки. Рота действовала в составе батальона. Ей была поставлена задача по погрузке и укладке железобетонных плит на территории, прилегающей к атомной электростанции, чтобы защитить «ликвидаторов» от воздействия радиации при работе на местности. Утром — завтрак. После завтрака построение, постановка задачи на день, уточнение маршрута — и колонна КАМАЗов движется к железнодорожной станции. Загружаем плиты на прицепы и через «рыжий лес» доставляем их к атомной электростанции. Здесь уже был снят и вывезен грунт (верхний слой в 30 см). Наша цель — плотно уложить плиты вокруг станции. И так — по несколько рейсов за смену, день за днем, неделя за неделей. Обычная работа. Тяжелая, монотонная, но необходимая.

С первых дней аварии на ЧАЭС в качестве «ликвидаторов» были привлечены военнослужащие как наиболее надежный и добросовестный контингент. Надо сказать, что основная масса «ликвидаторов» была призвана из запаса через военкоматы. Их призывали на учебные сборы сроком до 6 месяцев. Это были обычные мужики рабочих профессий: водители, крановщики, сварщики, бульдозеристы из небольших городков, поселков, деревень и сел. У большинства дома остались семьи и заботы, хозяйство, нерешенные вопросы по уборке огородов, заготовке картофеля, дров на зиму, сена

для коровы и др. Они очень переживали о своих близких. Многие из моих подчиненных говорили мне, что хотели бы поскорее получить предельно допустимую дозу в 25 рентген и вернуться домой. Буквально рвались на электростанцию. Все они добросовестно выполняли свои обязанности, умели и делали все возможное. Запасники (как их раньше в шутку называли — «партизаны» за их внешний вид) были старше меня почти раза в два. Мне, как командиру роты, приходилось искать с ними общий язык. Здесь только приказом, окриком не решить вопрос, необходимо было разъяснять, убеждать, входить в положение, наконец, самому порой на равных участвовать в опасных работах. Люди с жизненным опытом пустых распоряжений или чьих-то капризов выполнять не станут и в выражениях не стесняются — могут просто послать куда подальше, если считают приказ необдуманным.

Попадались шутники и приколисты. Помню, приехала новая смена, человек 20, немножко навеселе. Со смехом и шутками направились в отведенную для них палатку, зашли и вдруг затихли. Заглядываю — стоят, задрав головы, смотрят на список проживавших ранее в палатке, тех, кого они сменили (в каждой палатке на центральном колу имелся такой список). Так вот, на списке напротив каждой фамилии отмечено: умер от радиации; погиб при исполнении; убит электротоком, лучевая болезнь и т. д. Было от чего впасть в уныние. Таким вот черным юмором уехавшие одарили свою замену. Юмор, в том числе и черный, помогал быть в тонусе.

И только сейчас, по прошествии трех десятилетий, можно по-настоящему оценить результат гигантской работы, проделанной «ликвидаторами», вложившими свой труд и здоровье в дело спасения тысяч людей от губительного воздействия радиоактивного заражения.

Вечная память тем, кого уже нет с нами. Они выполнили свой долг перед Родиной сполна.

Василий Григорьевич НАЙДА

Родился 5 сентября 1943 года в г. Новорогачинск Херсонской области (Украина). В 1967 году окончил Военно-медицинский факультет при Куйбышевском медицинском институте. В последующем проходил службу в должностях начальника медицинского пункта, старшего врача мотострелкового полка в ЗакВО (г. Ахалкалаки, Грузия). Затем был откомандирован в группу контроля по редемаркации советско-турецкой границы. В 1972 году окончил факультет усовершенствования врачей Военно-медицинской академии. Заочно в 1974 году завершил аспирантуру по кафедре госпитальной хирургии, травматологии и ортопедии ВМФ в Куйбышеве. Проходил службу в ЗакВО, ЗабВО, ЛенВО и Центральной группе войск.

В 1986 году принимал участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Работал в тридцатикилометровой зоне и непосредственно на АЭС в должности начальника военно-медицинского отдела оперативной группы ГО СССР. Организовал медицинское и профилактическое обеспечение «ликвидаторов» как на Чернобыльской АЭС, так и в тридцатикилометровой зоне радиационного заражения. Ввел в штат оперативных групп войск по секторам радиоло-

гов и усилил санитарный спецнадзор и дозиметрический контроль за «ликвидаторами».

Был одним из инициаторов строительства памятника «Жертвам радиационных аварий и катастроф» и создания музея истории ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф в Санкт-Петербурге. Отличник здравоохранения СССР, заслуженный врач РФ и Республики Карелия. Полковник медицинской службы.

Награжден орденом Красной Звезды и орденом Мужества, 16 медалями СССР и РФ и шестью медалями иностранных государств. Занесен в Книгу Почета Общероссийского союза ОО «Союз “Чернобыль”» с вручением памятной медали «Знак Почета». Награжден нагрудным знаком МЧС России «Участнику ликвидации последствий ЧС» и почетным знаком «За заслуги перед Калининским районом».

В настоящее время председатель Совета МОО «Союз “Чернобыль-Квант”» Калининского района и заместитель председателя Совета по здравоохранению Санкт-Петербургского регионального отделения ООО инвалидов «Союз-Чернобыль» России. Инвалид второй группы вследствие заболеваний, связанных с воздействием радиации во время ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В 1986 году будучи начальником медицинской службы 6-й армии, вынужден был досрочно возвратиться из служебной командировки по Заполярью в связи с полученной командованием армии телеграммой, подписанной начальником ЦВМУ МО СССР о моем командовании в Чернобыль. По возвращении в Петрозаводск в тот же день, вечером, я убыл поездом в Ленинград, куда прибыл утром на следующий день и сразу же вылетел из аэропорта Пулково-1. В аэропорту Борисполь г. Киева меня встретили на служебной машине и доставили в Киевский окружной военный госпиталь. Короткий 3-часовой отдых в госпитале, и на служебной машине я убыл в Чернобыль. Чем ближе подъезжали к Чернобылю, тем чаще встречались военные палаточные городки, группы военно-служащих, въезды по специальным пропускам через совместные

посты ГАИ и ВАИ, с проверкой документов и т. д. Забегая вперед, скажу, что, когда стал работать в тридцатикилометровой зоне, то впервые увидел безлюдные населенные пункты, где только иногда встречались одинокие собаки и другие домашние животные. Очень редко можно было увидеть кого-то из местных жителей. Возникла картина жутковатого неуютного ощущения. Это чувство было особенно острым при посещении и работе в г. Припять, который находился под охраной внутренних войск МВД по всему периметру. Город осиротел. Улицы были необычно пустынные. Пустой брошенный город превратился в призрак. Повсюду пусто, безмолвно и мертво. Внутреннее ощущение и впечатление от всего увиденного даже трудно передать словами.

По прибытии в Штаб оперативной группы ГО СССР, который располагался в административном здании бывшего горисполкома Чернобыля, представился начальнику штаба оперативной группы генерал-майору Н.Г. Ганоцкому, сдал командировочные документы в отдел кадров ОГ, получил комплект рабочего форменного обмундирования и к исходу дня был размещен в одной из пустующих квар-

тир бывшего жилого дома в Чернобыле. Эта квартира и стала постоянным местом моего проживания на весь период командировки. В 21 час представился заместителю начальника группы по тылу и принял участие в совещании оперативной группы.

К большому моему сожалению, своего предшественника — начальника медицинской службы группировки войск полковника медицинской службы Э.В. Попова я не застал. Он убыл за три дня до моего прибытия, поэтому многое пришлось осваивать практически заново, тем более что в это время фактически происходила полная смена медицинской службы оперативной группы в Чернобыле. Пришлось уяснять задачу, вникнуть в проблемы, стоящие перед медицинской службой, знакомиться с вновь прибывшими специалистами-офицерами медицинской службы, изучать и оценивать руководящие медицинские кадры в войсках группировки войск по секторам и зонам. И все это необходимо было сделать в кратчайшие сроки, параллельно решая текущие и внезапно возникающие задачи.

Ознакомившись с обстановкой, пришел в грустное состояние. Кадры медицинской службы вместо медицинского обеспечения занимались в основном руководством тыловых объектов. Так, главный терапевт группы был ответственным за столовую, которая размещалась в бывшем ресторане «Чернобыль». В обязанности главного эпидемиолога и гигиениста входила организация банного обслуживания и т. п. Естественно, в первую очередь страдало непосредственное медицинское обеспечение «ликвидаторов». Так, в частности, к этому времени ни в одном медицинском подразделении частей не была организована работа клинических лабораторий по гематологическим исследованиям крови. В частях отсутствовали специалисты-радиологи. И это при ужасной пыли, насыщенной радионуклидами, в условиях которой работали «ликвидаторы».

По моему представлению начальнику Оперативной группы ГО СССР группировки войск в Чернобыле генерал-лейтенанту А.И. Капочкину, начальнику политического отдела ОГ ГО СССР генерал-майору Д.В. Тимерханову, а также представителю КГБ в зоне медицинская служба была выведена из подчинения тыла, что сразу положительно сказалось на качестве и эффективности ее ра-

боты. Медики занялись непосредственно своим делом. Был сформирован военно-медицинский отдел ОГ ГО СССР, включавший главных специалистов медицинской службы, определены штаты медицинской службы секторов. Одновременно были разработаны и утверждены начальником ОГ ГО СССР задачи и функциональные обязанности должностных лиц сформированного ВМО оперативной группы ГО СССР группировки войск в Чернобыле. Было очень трудно, однако все задачи были успешно решены.

В конце моей командировки в Чернобыль я был задержан начальником ЦВМУ МО СССР более чем на 20 дней с целью обучения офицеров медицинской службы, прибывших на смену вместо нас. Предстояло передать им опыт работы и помочь быстрее освоить специфику, связанную с радиационной опасностью, что и было выполнено мною вполне успешно. Аналогичная задержка (но меньше по срокам, всего на 2–3 дня) коснулась начальников медслужбы секторов, соединений и отдельных полков. И это полностью себя оправдало. Для ЦВМУ МО СССР нами были подготовлены документы, планы, отчеты о проделанной работе и предложения по наращиванию сил и средств во всех частях и оперативных группах, чего, к нашему сожалению, мы в свое время от наших предшественников не получили. Так закончилась моя, полная забот и тревог, служебная командировка в Чернобыль.

ОТ БЕЛОЯРСКОЙ ДО ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ

В детстве я не ходил в детский сад. Когда умерла няня «бабушка Саша», меня не с кем было оставить. Однажды мама вынуждена была собраться со мной на Белоярскую атомную электростанцию. Станция простаивала уже три дня, и, как удалось выяснить по прибытии, в одной из технологических схем электропровод оказался на несколько метров длиннее, чем нужно. Просто мама хорошо знала своё «изделие»... Так я впервые почувствовал себя ближайшим родственником атомной энергетики.

В «головной» конторе, спроектировавшей «Чернобыльский саркофаг», четвёртому подразделению, специализировавшемуся на «мирном атоме», выпускать рабочие чертежи в срочном порядке (на кульманах) помогало боевое «третье», к которому принадлежал и я.

Кроме того, в нашем проектно-институте, по комсомольской линии (а в комсомоле я пересидел, трубил до «академических сессий»), я отвечал за научно-техническую пропаганду. В основном, возил «новобранцев» на домашний (в институтском смысле слова) объект — Ленинградскую атомную электростанцию.

Мой друг Серёга Степанов, живший по соседству возле кинотеатра «Ладога» и работавший вместе с женой в четвёртом подразделении, отправился в Чернобыль в служебную командировку на месяц в начале июня 1986 года. А потом ещё на один, в сентябре. У них с женой только-только родилась дочь, необходимо было за-

рабатывать деньги. А за командировку начисляли помимо зарплаты (120 руб.) и командировочных, 1000 руб. «подъёмных»!

А ещё через пару месяцев мы встретились с Серёгой в нашей профильной медсанчасти № 122 «на Луначарского». Лежали мы на разных отделениях, то бишь, этажах, и играли в шахматы у того, к чьей палате первый из нас успевал ближе подойти. Как и в институте, мне надо было к нему подниматься, а ему — спускаться.

Помню, как я видел в последний раз Серёгу живым... Поднялся к нему на этаж, а он идёт вдоль по коридору навстречу медленно-медленно. Высокий, крупный, как мамонт, которого неожиданно разбудили через тысячу лет, и он ещё не успел как следует встряхнуться. Ему уже начали колоть «тормозящие», чтобы сделать операцию в Военно-медицинской академии.

Сергея Степанова официально не признали жертвой Чернобыльской катастрофы. И не выплатили семье положенную компенсацию. «Сам виноват! Скрыл от медиков, что в возрасте 12 лет получил серьёзную травму головы при жёсткой посадке пассажирского самолёта в Комсомольске-на-Амуре». Родители его в этой аварии погибли. Очевидно, сделал всё, чтобы спасти сына. Воспитывали сироту бабушка с дедушкой, сибирские здоровяки, оба под два метра ростом.

О других товарищах

Чернобыльцы-вертолётчики — штурман Валерий Шмаков и пилот Георгий Удальцов (последнему я показал наш мемориал на Пискаревском проспекте в парке Сахарова), оба считают, что давно пора установить монумент «Героям-ликвидаторам». Просто, как победителям, а не «жертвам», безо всякого «битья на жалость».

Монумент Шмаков видит обязательно в Москве, на Поклонной горе. И сам готов его спроектировать. В молодости он успел окончить Институт имени Сурикова, а также музыкальную школу, как, впрочем, и Серёга Степанов. Мне же Москва кажется не вполне правильным местом.

Объясню, почему.

Отечественная ядерная энергетика началась на берегах Невы как очередная «Невская битва». Распространилась на всю страну, но головной институт всё же оставался в Ленинграде как в городе самой высокой культуры строительного проектирования.

Взгляните на реакторные блоки, созданные головным институтом. В их формах нет ничего

лишнего. Это поставленный «на попа» «спичечный коробок».

Если бы Чернобыльская станция была Ленинградским проектом, роботы спокойно разъезжали бы по одной единственной крыше. Собирали графитовые и урановые осколки и, подъехав к краю, бросали их на землю, где работали радиоуправляемые тяжёлые танкетки.

Но Чернобыльский блок построили ярусно, и брошенный роботом осколок с одной крыши попадал не на землю, а на крышу ниже... Таким образом, и роботов требовалось перетаскивать, цепляя с вертолёта, с одной крыши на другую. При этом неизбежно они ударялись о вертикальные и горизонтальные конструкции, получая механические повреждения. Словом, один за другим все вышли из строя.

И тогда пришлось прибегнуть к так называемым «биороботам», добровольцам из солдат срочной службы, которых немедленно демобилизовывали и отпускали домой после 40 секунд работы на крыше вне зависимости от КПД. Успел схватить кусок графита — не успел — не важно! Успел сбросить захваченный осколок в них — не успел — не важно! Зазвенел зуммер, загорелась красная лампочка — уноси ноги, считай, ты уже отслужил...

Потом эти молодые люди репродуктивного возраста разъехались по стране. А в основе проблемы, которой могло совсем не быть, лежало необоснованно амбициозное архитектурное решение.

В своё время я положил цветы к могилам чернобыльских пожарных в Москве на Митинском кладбище. Но на Поклонную гору кланяться «горе-проектантам» ЧС не собираюсь!

Моё отношение

Насколько мне известно, первым с дозиметром в руках и планом для разметки (картой зонирования) станцию обошёл в скафандре военврач Военно-медицинской академии в Ленинграде, если не ошибаюсь, полковник Бондаренко. Но если я даже что-то путаю, звание и фамилии, то, несомненно, подвигу именно этого человека должны были посвятить памятник на месте бронзовой скульптуры Гигеи (жены бога медицины Асклепия), которую после реставрации не вернули на улицу Боткина, а перенесли на закрытую площадку академии имени С.М. Кирова.

А возникший здесь новый монумент абстрактно посвятили «военным медикам, павшим в ограниченных вооружённых конфликтах, войнах...» и т. п. Так что не догадаешься (да и не докопаешься) с чего или, точнее, с кого всё началось?

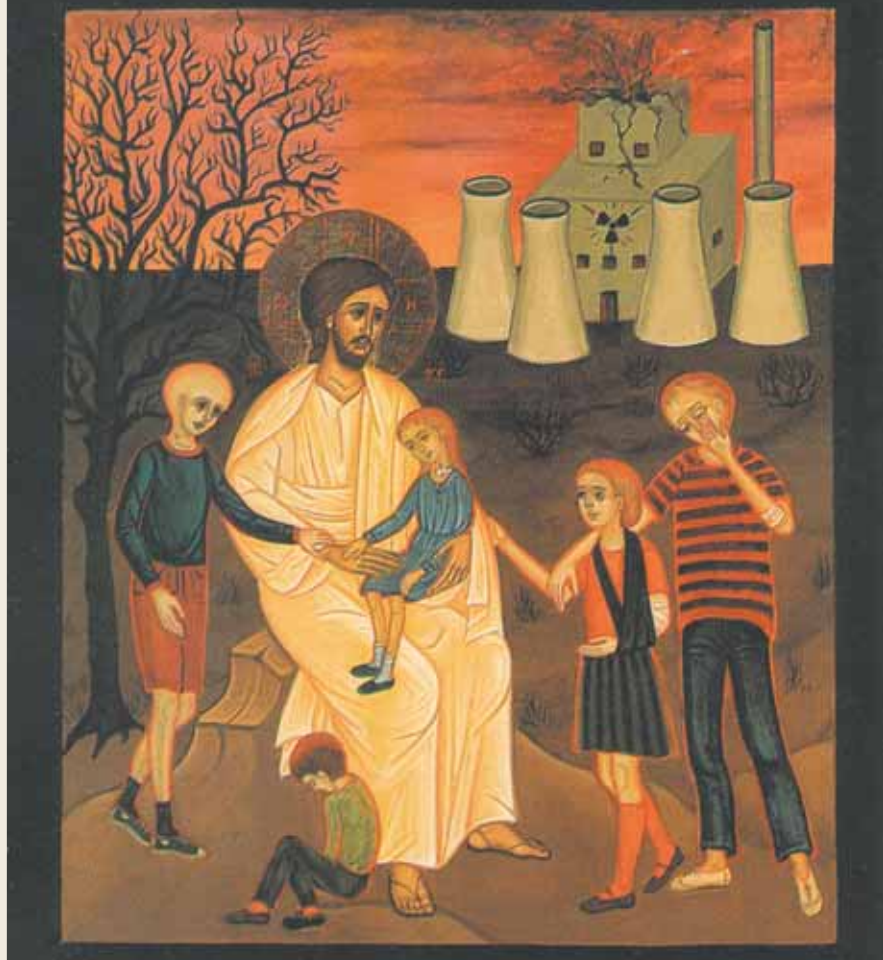
Памятный знак жертвам Чернобыльской аварии (в сквере на пересечении Планерной и Долгоозерной улиц) за официальными авторами (за исключением Олега Жогина, который просто не в курсе) «заимствован» с моего самого первого варианта памятного знака «Блокадной капусте».

Другой «монумент ликвидаторам» в виде церкви «Неопалимая купина» построен в Сосновом Бору нашим «конторским» архитектором Евгением Фёдоровым и, опять же, я совершенно уверен, что по моему исходному эскизу! Эскиз выпросил у меня (не объясняя, для чего) главный архитектор нашего института Иосиф Брониславович Орлов.

Я готовился к конкурсу на проект православного храма «Усекновения главы Иоанна Предтечи» для Пискаревского мемориального кладбища. А конкурс так и не состоялся! Но отметился появ-

Дети – дары Господа
 Kinder sind eine Gabe des Herrn
 Children are a gift of the Lord
 Les enfants sont un don de Dieu

KINDER SIND EINE GABE DES HERRN

Икона писана Ангелой Хойзер, Бонн, Германия
 Ikone gemalt von / Icon painted by / L' icône faite par Angela Heuser, Bonn

лением замечательного проекта архитекторов Георгия Васильева и Геннадия Чеблогашева.

В свою очередь, они оба обнадежили меня вот в каком отношении. На углу Луначарского и Гражданского проспектов, то есть в «средокрестии», по их проекту возведён православный храм Сретения Господня, интерьеры которого расписывают мои друзья Георгий и Ольга Шереметьевы.

И возможно, удастся впервые в 1000-летней истории РПЦ применить в стенной росписи извод иконы «Чернобыльский спас», или иначе «Дети, дары Господа, Звезда полыни», написанной православным иконописцем из Бонна Ангелой Хойзер (Angela Heuzer), подарившей мне копию.

*Мельников Всеволод Михайлович,
архитектор*

ПАРК АКАДЕМИКА САХАРОВА И ПАМЯТНИКИ, УСТАНОВЛЕННЫЕ В НЕМ

В 1996 году безымянному парку в Калининском районе, ограниченному Пискаревским проспектом, проспектом Маршала Блюхера, улицей Замшина и Бестужевской улицей, было присвоено имя академика Сахарова.

Сделано это было в честь создателя первой советской водородной бомбы, общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии Андрея Дмитриевича Сахарова, в связи с 75-летием со дня его рождения.

МЭР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 20 мая 1996 г. № 496-р

О ПЛОЩАДИ И ПАРКЕ АКАДЕМИКА САХАРОВА

(в ред. РАСПОРЯЖЕНИЯ губернатора Санкт-Петербурга
от 20.08.1998 № 830-р)

На основании решения Топонимической комиссии Санкт-Петербурга от 18.10.1995 № 1–4, учитывая обращения общественности Санкт-Петербурга и отмечая выдающийся вклад в развитие демократической России Сахарова Андрея Дмитриевича:

1. Присвоить безымянному парку, расположенному в квартале 38 Калининского района и ограниченному Пискаревским проспектом и проспектом Маршала Блюхера, Бестужевской улицей и жилой застройкой квартала, название **«Парк академика Сахарова»**.

2. Присвоить безымянной площади на пересечении Менделеевской и Биржевой линий с Тифлисской улицей в Василеостровском районе название **«Площадь академика Сахарова»**.

3. Принять к сведению, что государственное унитарное предприятие «Городской центр размещения рекламы» разрабатывает проект и проводит установку памятного знака на территории Парка академика Сахарова у аллеи, идущей к колоколу Мира, с последующей передачей его на баланс государственного предприятия садово-паркового хозяйства Калининского административного района Санкт-Петербурга (п. 3 — в ред. Распоряжения губернатора СПб от 20.08.1998 № 830-р).

4. Комитету по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга:

4.1. Выдать в установленном порядке разрешительную документацию на разработку проекта памятного знака согласно пункту 3.

4.2. Провести до ноября 1996 года открытый конкурс на эскизный проект памятника А.Д. Сахарову, который будет устанавливаться на площади академика Сахарова.

5. Комитету экономики и финансов обеспечить финансирование мероприятия согласно пунктам 3, 4.2 распоряжения в соответствии с Законом Санкт-Петербурга «О бюджете Санкт-Петербурга на 1996 год».

6. Государственному предприятию садово-паркового хозяйства Калининского района после изготовления и установки принять на баланс памятный знак в Парке академика Сахарова.

7. Контроль за выполнением распоряжения остается за мэром Санкт-Петербурга.

Мэр Санкт-Петербурга
А.А. Собчак

*RIA Novosti archive,
image #25981
/Vladimir Fedorenko/*

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) — выдающийся советский физик, академик АН СССР (1953 г.), «отец» первой советской водородной бомбы, один из главных ее создателей. Впоследствии — общественный деятель, диссидент и правозащитник, лауреат Нобелевской премии мира (1975 г.), народный депутат СССР (1989 г.), трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий. Несмотря на все заслуги перед Родиной, был лишен всех советских наград за правозащитную деятельность.

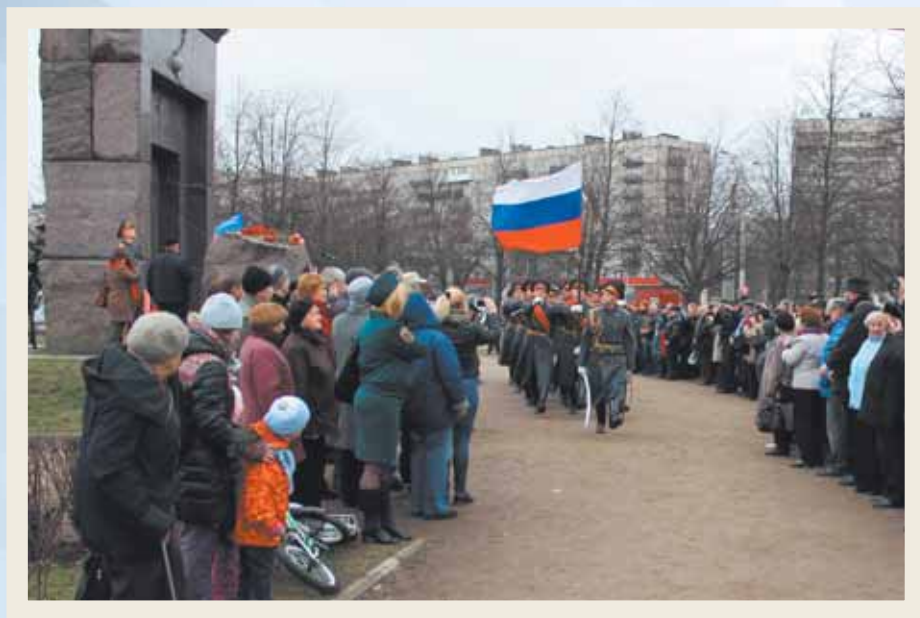
В Парке академика Сахарова находятся два мемориальных памятника: «Жертвам радиационных аварий и катастроф», установленный в 2003 году, и «Колокол Мира», подаренный Японией и установленный в 1988 году. Эти памятники посвящены трагическим ядерным событиям.

По воле судьбы Парк академика Сахарова — единственный в городе, в котором сосредоточены и связаны воедино с прошлым памятники радиационных трагедий, как «чернобыльцев», так и «маяковцев», и ветеранов подразделений особого риска.

**Мемориальный памятник
«Жертвам радиационных аварий и катастроф» –
«ПОМНИ»**

В целях увековечивания памяти погибших, умерших и ныне здравствующих участников ликвидации Чернобыльской катастрофы, а также в других радиационных авариях 18 января 1999 года руководитель МОО «Союза “Чернобыль-Квант”» В.Г. Найда обратился к главе Калининского района и к губернатору Санкт-Петербурга с документом «О разработке проекта и установке мемориального памятника “Жертвам радиационных аварий и катастроф” в Парке академика Сахарова». Памятник планировалось установить в том месте, где ранее по распоряжению мэра Санкт-Петербурга А.А. Собчака (от 21.03.1996 г. № 224) был установлен (26.04.1996 г.) закладной камень с участием заместителя мэра города В.В. Путина (ныне – Президента РФ), главы Калининского района М.Г. Михайловского и «ликвидаторов» чернобыльской аварии города.

Обращение было поддержано и принято решением по данному вопросу Комитетом по градостроительству и архитектуре, а также главным художником и главным архитектором города. На конкурс было представлено 15 работ. Победителем стала монументальная композиция архитектора В.Б. Бухаева и скульптора И.Б. Корнеева (18.02.2000 г.) как наиболее полно раскрывающая тему жертвенности и подвига людей, подвергшихся радиационному воздействию в результате черновыльской катастрофы.

Главная деталь памятника представляет собой фрагмент реактора, а трещина в его основании — разрушения и сломанные человеческие судьбы. На черном граните постамента высечено единственное слово «ПОМНИ», где буква «О» заменена гранитным ядром атома. Трава вокруг памятника символизирует жизнь, а плакучая ива — страдание и горе, пришедшие во многие семьи вместе с Чернобыльской катастрофой. Апофеозом символики памятника является фигура аиста — образ семейного уюта и возрождения. Характерно, что добровольцев «ликвидаторов»-военнослужащих, работавших на крыше 3-го энергоблока ЧАЭС и сбрасывавших с нее

остатки радиоактивного топлива и графита, называли в Чернобыле «биоаистами».

На финансовую поддержку проектирования и строительства памятника было открыто два специальных счета в Калининском районе для добровольных пожертвований денег, куда свой посильный вклад внесли «ликвидаторы» аварии, равнодушные граждане и, конечно, спонсоры.

8 августа 2003 года в юго-восточной части парка состоялось торжественное открытие памятника «Жертвам радиационных аварий и катастроф», созданного скульптором И.Б. Корнеевым, архитектором В.Б. Бухаевым и инженером И. Букато. В церемонии торжественного открытия участвовали «ликвидаторы» аварии на ЧАЭС и ПО «Маяк», ветераны подразделений особого риска, а также официальные лица нашего государства и Санкт-Петербурга: Председатель Государственной Думы РФ Г.Н. Селезнев, и.о. губернатора Санкт-Петербурга А.Д. Беглов, вице-губернатор Санкт-Петербурга В.Г. Дербин, член Совета Федерации РФ М.Г. Михайловский, глава Калининского района Л.И. Могальчук,

члены городского правительства и депутаты Закса. В церемонии также приняли участие: Президент «Союз “Чернобыль” России» В.Л. Гришин, руководители общественных организаций, объединяющих жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области, пострадавших при ликвидации аварии на ЧАЭС и в других региональных авариях, представители регионального центра по делам ГО и ЧС, представители командования ЛенВО и Ленинградской военно-морской базы.

Этот монумент оказался основным памятником жертвам радиационных аварий и катастроф не только в Санкт-Петербурге, но и на всем Северо-Западе. Ежегодно 26 апреля и 30 ноября у памятника проходят митинги и возложения цветов. Его посещают гости города, делегации, ветераны, учащиеся школ и Вузов для возложения цветов.

Кроме того, в разных районах Санкт-Петербурга установлены пять памятных знаков различной формы.

Монумент «Колокол Мира»

В августе 1945 года США провели атомную бомбардировку самолетами-бомбардировщиками Б-29 японских городов Хиросимы и Нагасаки. Человечество никогда не забудет ужаса той ядерной бомбардировки. За один только день в разрушенной Хиросиме погибло 80 тысяч человек, а в течение одного месяца — 200 тысяч. В Нагасаки погибло 140 тысяч жителей. Большинство из них скончались от больших доз радиации, многие обгорели от высокой температуры. Город был полностью уничтожен, и это было массовым уничтожением людей, которое так и не было названо ПРЕСТУПЛЕНИЕМ.

С точки зрения человеческой морали, эти бомбардировки не могут иметь оправдания. Это — страшная и позорная дата в истории нашей цивилизации.

В Японии и во всем мире 9 августа ежегодно отмечается как День памяти и скорби. Бомбардировки США японских городов Хиросимы и Нагасаки остаются первым и последним в истории человечества случаем боевого применения ядерного оружия. Подобное не должно повториться!

«Колокол Мира», установленный и открытый в Парке академика Сахарова 9 августа 1988 года, передан в дар администрацией города Нагасаки жителям Ленинграда как особый знак уважения и преклонения перед мужеством людей, переживших 900 дней блокады и не сломленных врагом в годы Второй мировой войны. Он стал ответным даром жителей г. Нагасаки, в Парке Мира которого установлен памятник «Мать и дитя» работы Михаила Аникушина.

«Колокол Мира» — копия знаменитого монумента японского скульптора Мацуока Кунити. Памятник посвящен жертвам бомбардировки американцами японских городов Хиросимы и Нагасаки. Его копии были также установлены в городах США, Белоруссии и Швейцарии.

Каждый год 9 августа в них раздается колокольный звон, напоминая жителям Земли об ужасах атомной бомбардировки и призывая всех людей доброй воли к сохранению мира во всем мире.

Звенит «Колокол Мира» в этот день ежегодно и в Парке академика Сахарова. Ежегодно ликвидаторы последствий аварий на ЧАЭС и ПО «Маяк», ветераны подразделений особого риска возлагают цветы к японскому памятнику и поминают безвинно погибших при атомной бомбардировке в Хиросиме и Нагасаки.

Аллея «ликвидаторов-чернобыльцев»

По просьбе «чернобыльцев» и при поддержке губернатора Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко, председателей Комитета по социальной политике А.Н. Ржаненкова и Комитета по благоустройству Санкт-Петербурга В.В. Рублевского, а также главы Калининского района Е.А. Моторина в Парке академика Сахарова осенью 2015 года произведена закладка «Аллеи “ликвидаторов-чернобыльцев”». Высажено 30 лип — по числу лет, прошедших со дня трагической даты Чернобыльской катастрофы. «Мы планируем ежегодно пополнять аллею новыми саженцами лип», — рассказал председатель Санкт-Петербургского регионального отделения «Союз “Чернобыль” России» В.Г. Найда.

Создавая «Аллею “ликвидаторов-чернобыльцев”» между Колоколом Мира и памятником «Жертвам радиационных аварий и катастроф», авторы идеи завершают мемориальный комплекс после окончания его строительства. По замыслу организаторов, ал-

лея должна быть центральной и основной аллеей в парке, хорошо представленной и оборудованной.

Было принято решение установить камень с названием аллеи и к 26 апреля 2016 года торжественно ее открыть. По бокам камня должны быть установлены металлические плиты с именами «ликвидаторов» принимавших участие в закладке аллеи, и дата ее закладки.

Проект памятного знака «Аллея “ликвидаторов-чернобыльцев”» после проведения необходимых согласований эскизных разработок в установленном порядке будет выполнен ОАО «Архитектурное бюро “АрхКомплекс”», его авторским коллективом под руководством лауреата Государственной премии РФ, академика Международной академии архитектуры (МААМ) Н.Г. Бальского («ликвидатора» последствий на ЧАЭС) и профессора МААМ С.Н. Бальского при участии член-корреспондента РАЕН, председателя Санкт-Петербургского отделения ООИ «Союз “Чернобыль” России» В.Г. Найды.

Мемориальная аллея — это знак нашей памяти, это наша благодарность всем ныне живущим и ушедшим из жизни «ликвидаторам» аварии на ЧАЭС. Это символ новой жизни и безопасного мира, которого могло и не быть, если бы не труд тысяч «ликвидаторов-чернобыльцев», выполнивших свой святой гражданский долг. Заложённая в доступном и удобном месте на территории Парка академика Сахарова, она должна стать основной аллеей парка, местом встреч «ликвидаторов-чернобыльцев» и членов их семей не только в памятные даты, но и по другим важным для них поводам, местом отдыха для жителей Калининского района.

Аллея станет воплощением благодарности всем, кто, жертвуя своей жизнью и здоровьем, спасал жизни десяткам и сотням тысяч других людей.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ 1979–1989 гг.	8
Сергей Васильевич БУГ	16
Сергей Викторович ЗОРИН	21
Александр Борисович ЗУБАЧЕВ.....	31
Владимир Анатольевич КОНДРАШИН.....	41
Александр Владимирович ПЛУГИН	44
Виктор Васильевич ПОЛУНИН.....	64
Алексей Александрович ПОПКОВ	72
Юрий Валентинович СОКОЛОВ	75
Александр Петрович ТАРАПОН	78
Виктор Яковлевич ЧЕРНИГЕЛЬ	89
Мы уходим	100
АВАРИЯ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС:	
ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ	104
Александр Николаевич БОГУТО	108
Александр Иванович ЕВДОКИМОВ	112
Альберт Рубенович МКРТУМЯН.....	117
Олег Дмитриевич МУЛЯВА	122
Василий Григорьевич НАЙДА.....	131
ОТ БЕЛОЯРСКОЙ ДО ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ	136
ПАРК АКАДЕМИКА САХАРОВА И ПАМЯТНИКИ, УСТАНОВЛЕННЫЕ В НЕМ	
Мемориальный памятник «Жертвам радиационных аварий и катастроф» – «ПОМНИ»	145
Монумент «Колокол Мира»	149
Аллея «ликвидаторов-чернобыльцев»	153

*Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
муниципальный округ Финляндский округ*

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 7. Прощайте, горы. Не забыть нам эту боль

При оформлении книги использовались материалы:
из личных архивов участников войны в Афганистане и
ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС,
ru.wikipedia.org

ООО «Медпресса»

Дизайн обложки – Л.Л. Грабарь

Верстка – И.Н. Быков

Корректор – М.Л. Водолазова

Бумага мелованная.

Формат 70×100 ¹/₁₆, Тираж 1000 экз. Подписано в печать 04.04.2016.

Заказчик: Местная администрация муниципального образования
Финляндский округ.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПК «Береста».
Санкт-Петербург, ул, Коли Томчака, д. 28.